

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности
Кафедра гражданского права

СВОБОДА ДОГОВОРА И ЕЁ ОГРАНИЧЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвящённой памяти основателя
юридического образования в Удмуртской Республике,
доктора юридических наук, профессора В.В. Овсиенко

Ижевск
2024

УДК 346.3(063)
ББК 67.404.201.1я431
С25

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Научные редакторы: *Н.В. Кузнецова*, зав. каф. гражданского права
ФГБОУ ВО «УдГУ», канд. юрид. наук, доцент;
В.Г. Ившин, директор ИПСУБ, канд. юрид. наук, доцент, профессор
каф. уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «УдГУ».

С25 Свобода договора и её ограничение в российском праве : сб.
ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ.
памяти основателя юрид. образования в Удмуртской Республике,
доктора юрид. наук, профессора В.В. Овсиенко / науч. ред.
Н.В. Кузнецова, В.Г. Ившин. – Ижевск : Удмуртский универ-
ситет, 2024. – 150 с.

ISBN 978-5-4312-1167-6

DOI: 10.35634/978-5-4312-1167-6-2024-1-150

В издание вошли статьи участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, проведенной 19 января 2024 г. Институтом права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета. Авторами рассматриваются вопросы теории и практики института свободы договора и её ограничения в различных отраслях российского права.

УДК 346.3(063)
ББК 67.404.201.1я431

ISBN 978-5-4312-1167-6

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2024
© Авторы статей, 2024

**ПАМЯТИ ОСНОВАТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ Д.Ю.Н., ПРОФЕССОРА
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ОВСИЕНКО
(11.01.1925–15.12.1997)**

Много сил и энергии отдал профессор В.В. Овсиенко становлению и развитию юридического образования в Удмуртии. Он приехал в УдГУ уже сложившимся организатором образовательного процесса, поработав в вузах Харькова и Донецка. Все самое ценное из предыдущего опыта внедрил в нашем вузе. Начал работу в УдГУ в 1972 году. В 1973 году на факультете была организована единственная юридическая кафедра (кафедра правоведения), которую и возглавил профессор В.В. Овсиенко. По его инициативе в 1975 г. в рамках экономико-правового факультета была создана на тот период времени одна из первых в стране кафедра хозяйственного права (ныне кафедра гражданского права), которой он заведовал до 1981 г. Именно по инициативе профессора В.В. Овсиенко были созданы на факультете лаборатория правовой информатики, кабинет правоведения. Он принимал все возможные меры к тому, чтобы обеспечить студентов необходимой литературой, уделял огромное внимание систематизации законодательства.

Работая в должности декана, а затем заведующего кафедрой, В.В. Овсиенко большое внимание уделял кадровому обеспечению преподавания юридических дисциплин, приглашал практиков (судей, прокуроров) и других учёных для чтения лекций и ведения практических занятий, в т.ч. из других ВУЗов. Именно благодаря ему в своё время были приглашены на факультет В.Я. Юдин, С.Д. Бунтов, В.С. Колеватова, В.Н. Черняев.

Из воспоминаний ныне заведующей кафедрой гражданского права Н.В. Кузнецовой: «Профессор В.В. Овсиенко научил меня многому: быть всегда профессионально-подготовленным к занятиям, к уважительному отношению к студентам. У него была феноменальная память, что также всегда было и является для меня примером».

Все преподаватели и сотрудники Института права, социального управления и безопасности, а также ученики профессора В.В. Овсиенко вспоминают Его с большой благодарностью.

Афанасьев Роман Евгеньевич,

аспирант кафедры гражданского права

Института права, социального управления и безопасности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

О НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 218-ФЗ с 01 июня 2019 г. введена такая правовая новелла, как наследственный договор¹.

Статья 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает достаточно широкую свободу договора, устанавливая, что наследодатель вправе заключить договор с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (ст. 1116), условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор).

В России существует проблема образования так называемых «микродолей». Почему такое явление, как «микродоли», является негативным, автор настоящей статьи неоднократно излагал в научных статьях, подробно разбирая проблемы судебной практики: образование «микродолей» в порядке наследования приводит к неразрешимым судебным спорам об определении порядка пользования²,

¹ О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // Рос. газ. 25.07.2018. № 160.

² *Афанасьев Р.Е.* Модернизация экономической системы России при помощи реформы наследственного права // Модернизация экономических систем: взгляд в будущее (MESLF-2022) : сб. науч. трудов / под ред. П.А. Неверова. Прага: ООО «БС-Консталтинг», 2022. С. 10–12.

а также к причинению вреда жизни и здоровью собственников долевой собственности³.

Такая широкая формулировка – условия перехода имущества не только к сторонам договора, но и к третьим лицам, создавала условия для дальнейшего образования «микродолей» как в период по 31 августа 2022 г., так и после новеллы о минимально возможной доле в кв. м – после 01 сентября 2022 г. К сожалению, при наследовании «микродоли» продолжают образовываться, т.к. законодатель внёс исключение в норму об ограничении размера доли для наследственных отношений.

Статья 30 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) с 1 сентября 2022 года дополнена следующей нормой: «Собственник жилого помещения не вправе совершать действия, влекущие возникновение долей в праве собственности на это помещение, а обладатель доли в праве общей собственности на жилое помещение не вправе совершать действия, влекущие разделение этой доли в праве общей собственности, если в результате таких действий площадь жилого помещения, приходящаяся на долю каждого из сособственников и определяемая пропорционально размеру доли каждого из сособственников, составит менее шести квадратных метров общей площади жилого помещения на каждого сособственника. Сделки, заключенные с нарушением правил, предусмотренных настоящей частью, являются ничтожными. Положения настоящей части не применяются при возникновении права общей долевой собственности на жилое помещение в силу закона, в том числе в результате наследования по любому из оснований, а также в случаях приватизации жилых помещений»⁴.

³ *Афанасьев Р.Е.* Угроза безопасности личности вследствие раздела жилого помещения при наследовании // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы : сб. ст. 51-й Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистров и молодых ученых, 20–21 апреля 2023 г. Ижевск : Удмуртский университет, 2023. С. 28–34.

⁴ О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ // Парламентская газета. № 28. 22.07.2022.

Таким образом, проблема образования «микродолей» была решена частично. Ситуация с образованием общей долевой собственности в порядке наследования не изменилась с 1 сентября 2022 г.: те же наследственные договоры по-прежнему можно заключать даже в том случае, если один из наследников станет собственником в порядке наследственного правопреемства долей меньше 6 кв. м. Аналогичная ситуация присуща и в отношении иных оснований наследования.

В настоящей работе обсуждается вопрос только в отношении наследственного договора. Проблема разрешима двумя способами – наследственно-правовым и жилищно-правовым.

Жилищно-правовой способ предлагается следующий: изменить положение ч. 1.1 ст. 30 ЖК РФ таким образом, чтобы наследственный договор представлял собой исключение из исключения. В связи с этим исключение можно изложить так: «Положения настоящей части не применяются при возникновении права общей долевой собственности на жилое помещение в силу закона, в том числе в результате наследования по любому из оснований, за исключением наследственного договора, а также в случаях приватизации жилых помещений».

Наследственно-правовой способ решения проблемы заключается в ограничении свободы наследственного договора относительно жилых помещений. Свободу договора можно ограничить двумя способами.

Первый способ ограничения свободы договора является радикальным и представляется наиболее правильным, т.к. право собственности первично, и в случае дробления жилого помещения на доли, оно фактически не будет принадлежать наследникам: либо будут бесконечные неразрешимые судебные споры между наследниками об определении порядка пользования и вселения, либо части жилого помещения будут в итоге проданы посторонним лицам с соблюдением требований ст. 250 ГК РФ, а иногда и с их нарушением в случае пропуска трёхмесячного срока подачи иска о переводе прав покупателя на себя иными собственниками долевой собственности. Предлагается ограничить свободу наследственного договора и дополнить ст. 1140.1 ГК РФ следующей нормой: «Жилые помещения могут переходить только одному из наследников по наследственному

договору. Не допускается включение положений договора, влекущее образование права долевой собственности на жилое помещение».

Менее радикальный способ заключается в том, чтобы допустить образование долевой собственности, но ограничить размеры доли размерами жилых комнат, а также обязательным условием наследственного договора относительно жилого помещения установить порядок пользования жилым помещением. Это исключит споры между наследниками о порядке пользования жилым помещением.

Библиографический список

1. Афанасьев Р.Е. Модернизация экономической системы России при помощи реформы наследственного права // Модернизация экономических систем: взгляд в будущее (MESLF-2022): сб. науч. трудов / под ред. П.А. Неверова. – Прага: ООО «БС-Консталтинг», 2022. – С. 10–12.

2. Афанасьев Р.Е. Угроза безопасности личности вследствие раздела жилого помещения при наследовании // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы : сб. ст. 51-й Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистров и молодых ученых, 20-21 апреля 2023 г. : [Электрон. ресурс] / науч. ред.: В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова. – Ижевск : Удмуртский университет, 2023. – С. 28–34.

Бажайкин Анатолий Леонидович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Экономический механизм регулирования земельных отношений основан на норме-принципе, декларирующем платность использования земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Указанный принцип содержится в подп. 7, п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ среди «Основных принципов земельного законодательства»⁵.

Экономический механизм регулирования земельных отношений в последовательности своего формирования включает в себя государственную кадастровую оценку недвижимости (включая земельные участки), правовые последствия установления кадастровой стоимости земельных участков (налог на землю, арендная плата и иные формы платы за использование земельных участков), её привязку к рыночной стоимости земельного участка.

Государственная кадастровая оценка недвижимости, включая земельные участки и правовые последствия установления их кадастровой стоимости

Пунктом 2 ст. 66 Земельного кодекса РФ определено, что для установления кадастровой стоимости земельных участков проводится государственная кадастровая оценка. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации утверждают средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (муниципальному округу, городскому округу), муниципальному образованию в составе города федерального значения.

⁵ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

Также в сфере земельных отношений применяется термин – «рыночная стоимость земельного участка»; указанная стоимость устанавливается в соответствии с нормами Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»⁶.

Законодатель устанавливает некий эквивалент между терминами «кадастровая стоимость земельного участка» и «рыночная стоимость земельного участка», которым в случаях определения рыночной стоимости земельного участка кадастровая стоимость этого земельного участка устанавливается равной его рыночной стоимости в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной кадастровой оценке.

Государственная кадастровая оценка земельных участков, как разновидности недвижимых вещей, проводится на всей территории Российской Федерации в синхронизированные сроки, с периодичностью один раз в четыре года, а в городах федерального значения в случае принятия высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ соответствующего решения – один раз в два года. В 2022 году проводилась государственная кадастровая оценка всех учтённых земельных участков на всей территории РФ, каждым субъектом РФ, о которых имелись сведения в Едином государственном реестре недвижимости, а исторической точкой отсчёта (исчисления) течения срока действия результатов определения кадастровой стоимости в современный период регулирования данных отношений послужило 1 января 2023 года.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» сформулировано два взаимосвязанных и основных понятия – государственная кадастровая оценка и кадастровая стоимость объекта недвижимости⁷. Для целей

⁶ Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О государственной кадастровой оценке : Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

определения кадастровой стоимости земельного участка проводятся процедуры по принятию решения о проведении государственной кадастровой оценки, определению кадастровой стоимости и составление отчёта об итогах государственной кадастровой оценки, и как итог – утверждение результатов определения кадастровой стоимости, а также внесение сведений о кадастровой стоимости по каждому земельному участку в данные Единого государственного реестра недвижимости.

В рамках исключительного ведения РФ по осуществлению нормативного правового регулирования в сфере государственной кадастровой оценки недвижимости, на законодательном и подзаконном уровнях, основными её принципами являются: единство методологии определения кадастровой стоимости; непрерывность актуализации сведений, необходимых для определения кадастровой стоимости; независимость и открытость процедур государственной кадастровой оценки на каждом этапе их осуществления; экономическая обоснованность и проверяемость результатов определения кадастровой стоимости.

Государственная кадастровая оценка проводится по решению исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, который наделяет полномочиями, связанными с определением кадастровой стоимости, создаваемое им бюджетное учреждение.

Базовыми критериями определения кадастровой стоимости земельных участков являются сведения о местоположении земельного участка, нахождении объекта недвижимости в границах зоны с особыми условиями использования территории, а также иные ценообразующие факторы, предусмотренные Методическими указаниями о государственной кадастровой оценке⁸.

⁸ Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке : приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 (Зарегистрировано в Минюсте России 17.12.2021 № 66421) // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения о кадастровой стоимости применяются при определении размера налога на землю, для осуществления выкупа земельного участка из публичной собственности, определения размера арендной платы, покупной цены земельного участка, платы за сервитут, установления стоимости земельного участка при проведении публичных торгов и т.п.

Конечно же, никто не застрахован от ошибок со стороны бюджетного учреждения при определении размера кадастровой стоимости земельного участка. Возникающие ошибки становятся предметом проведения административных и судебных процедур по перерасчету размера кадастровой стоимости либо признанию кадастровой стоимости земельного участка равной рыночной.

Земельный налог: реалии и перспективы правового регулирования

Использование земли в Российской Федерации является платным, а основной формой платы за использование земельных участков физическими и юридическими лицами является земельный налог, что продекларировано п. 1 ст. 65 Земельного кодекса РФ⁹.

Земельный налог, согласно общей норме ст. 8 Налогового кодекса РФ, – это обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях платы за использование земли¹⁰. Но стоит скорректировать указанную формулировку через призму понимания объекта налогообложения, коим является не земля, а земельный участок.

Каждый признаваемый объектом налогообложения земельный участок имеет свою кадастровую стоимость, которая является налоговой базой земельного налога.

⁹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

При наличии объекта налогообложения законодатель установил перечень субъектов – налогоплательщиков, с которых взимается земельный налог, это: организации и физические лица, обладающие земельными участками, признаваемыми объектом налогообложения, на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения. И с точки зрения фискальной политики государства, межведомственного информационного обмена, круг таких субъектов устанавливается посредством получения сведений о них и их правах в Едином государственном реестре недвижимости.

Базовые условия установления и взимания земельного налога определены Налоговым кодексом РФ, но т.к. согласно ст. 15 этого же кодекса указанная форма налога относится к категории местных налогов, то устанавливают его представительные органы муниципальных образований (законодательные (представительные) органы государственной власти городов федерального значения, представительный орган федеральной территории «Сириус»).

Кроме того, они же и определяют налоговые ставки в пределах, установленных Налоговым кодексом РФ, и, соответственно, определяют также порядок уплаты земельного налога.

При установлении налога нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (законами городов федерального значения, нормативными правовыми актами представительного органа федеральной территории «Сириус») могут также устанавливаться налоговые льготы, основания и порядок их применения, включая установление величины налогового вычета для отдельных категорий налогоплательщиков. Во всех остальных случаях земельный налог обязателен к уплате на территориях муниципальных образований, городов федерального значения, и в границах федеральной территории «Сириус».

В научной и практической сферах обсуждается целесообразность введения налога на недвижимость взамен действующих земельного налога и налога на имущество физических лиц. Кроме того, Федеральная налоговая служба создала систему мобильных

приложений, которые могут быть использованы физическими лицами. Например, с помощью мобильного приложения «Налоги физических лиц» можно платить земельный налог, а также в режиме онлайн контролировать наличие начислений и задолженности по нему.

Арендная и иные формы платы за земельные участки

Так как использование земли в Российской Федерации является платным, к установленным формам платы за использование земли, кроме земельного налога, относят арендную плату, а также иные формы платы, предусмотренные Земельным кодексом РФ.

Использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется за плату, порядок определения которой устанавливается:

- 1) Правительством РФ в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности;
- 2) органом государственной власти субъекта РФ в отношении земельных участков, находящихся в собственности субъекта Российской Федерации, земель или земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена;
- 3) органом местного самоуправления в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

К иным формам платы можно отнести: плату за сервитут (п. 12 ст. 23 Земельного кодекса РФ; выкупную стоимость (цену) земельного участка; плату за перераспределение земельного участка; доплату по договору мены земельных участков при их неэквивалентном обмене по площади, качественным характеристикам и стоимости.

Арендная плата относится к одному из трёх существенных условий договора аренды земельного участка, это денежная оплата права пользования арендуемым имуществом (земельным участком), её величина определяется договором об аренде (пп. 5 и 12, ст. 22 Земельного кодекса РФ).

Если для частно-правовых отношений размер арендной платы за земельный участок устанавливается по соглашению между сторонами сделки, то размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности,

устанавливается публично-правовым способом, что определено нормами ст. 39.7 Земельного кодекса РФ совершенно для разных случаев возникающих отношений.

Например, размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, определяется в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством Российской Федерации¹¹.

В случае заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на аукционе на право заключения договора аренды земельного участка, размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа за земельный участок определяется по результатам этого аукциона.

В случае заключения договора аренды земельного участка с лицом, подавшим единственную заявку на участие в аукционе на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, с заявителем, признанным единственным участником аукциона, либо с единственным принявшим участие в аукционе его участником, размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа за такой земельный участок определяется в размере начальной цены предмета аукциона.

Плата за сервитут (публичный сервитут)

Согласно п. 12 ст. 23 Земельного кодекса РФ правообладатель земельного участка, обременённого сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут.

¹¹ Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 (ред. от 10.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Плата за сервитут может быть единовременной или периодической, а впоследствии стороны могут изменить её размер по соглашению или в рамках преддоговорного спора посредством суда. Величина платы за сервитут определяется судом исходя из принципов разумности и соразмерности с учётом характера деятельности сторон, площади и срока установления сервитута (п. 12 Обзора о сервитутах)¹².

Кроме того, если установление публичного сервитута приводит к существенным затруднениям в использовании земельного участка, его правообладатель также вправе требовать от установивших его органа государственной власти или органа местного самоуправления соразмерную плату (п. 13 ст. 23 Земельного кодекса РФ). Плату за публичный сервитут можно установить решением об установлении публичного сервитута, соглашением о его осуществлении или через суд (п. 14 ст. 23, подп. 9 п. 4 ст. 39.43, подп. 8 п 1, п. 12 ст. 39.47, п. 2 ст. 39.50 Земельного кодекса РФ).

Правовые механизмы определения размера платы за сервитут включают в себя следующие способы: по соглашению сторон (п. 4 ст. 421 ГК РФ); по решению суда, если стороны не пришли к соглашению (подп. 3 и 5 ст. 274 ГК РФ¹³, п. 10 Обзора о сервитутах, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017); нормативными правовыми актами для некоторых случаев (например п. 11 ст. 39.20, п. 2 ст. 39.25 Земельного кодекса РФ).

Выкупная цена (стоимость) земельного участка – цена находящегося в государственной или муниципальной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на нём зданий, сооружений и иных объектов недвижимого имущества («Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017).

¹² Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно п. 3 ст. 39.4 Земельного кодекса РФ при заключении договора купли-продажи земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов, цена такого земельного участка не может превышать его кадастровую стоимость или иной размер цены земельного участка, если он установлен федеральным законом.

Плата при перераспределении земель – плата за увеличение площади земельных участков, находящихся в частной собственности, в результате перераспределения таких земельных участков и земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (ст. 39.28, Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 24.06.2023)).

Исключение разновидности использования земельного участка из перечня видов платности использования земель

Подпунктом 6 п. 1 ст. 39.33 Земельного кодекса РФ определены случаи использования земель и земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 1300 «Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов».

Порядок и условия размещения объектов, перечень видов которых утвержден постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1300, устанавливается нормативным правовым актом субъекта РФ¹⁴.

¹⁴ Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов: постановление Правительства РФ от 03.12.2014 № 1300 (ред. от 14.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с п. 1 ст. 65 Земельного кодекса формами платы за использование земли являются: земельный налог (до введения в действие налога на недвижимость), арендная плата, а также *иная плата* предусмотренная Земельным кодексом РФ.

На основании постановления Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1300 разрешается некое ограниченное пользование и владение земельным участком, возникает право на использование земельного участка без принятия со стороны органов государственной власти или органов местного самоуправления решения о предоставлении земельных участков или заключения с указанными органами каких-либо договоров.

Возникает дискуссионный вопрос – использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута, предусмотренных ст. 39.33 Земельного кодекса, может осуществляться платно? Кто должен устанавливать порядок и размер такой «иной платы» за земельные участки – субъект РФ или муниципальный округ?

Бигуненко Анастасия Ивановна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса ГОУ «Приднестровский
государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь

ПРИРОДА МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В РАМКАХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

Современная юридическая литература большое внимание уделяет правовым вопросам в области судебного примирения. Научный интерес к проблемам примирительных процедур возник в результате расширения возможных форм урегулирования конфликта, выходящих за пределы разрешения его в суде. Кроме того, законодатель отводит главную роль суду в процессе поиска дополнительных форм разрешения спора.

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ) при подготовке дела к судебному разбирательству судья принимает меры для заключения сторонами мирового соглашения, содействует примирению сторон. В частности, судья в целях содействия сторонам в урегулировании спора предлагает лицам, участвующим в деле, сообщить сведения о совершенных действиях, направленных на примирение, если они предпринимались, а также представить документы, подтверждающие совершение указанных действий, если соответствующие документы имеются. Лица, участвующие в деле, вправе сообщить такие сведения, представить документы с учетом принципа конфиденциальности примирительных процедур. Таким образом, ГПК РФ закрепляет правомочие суда принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, что соответствует интересам сторон и задачам судопроизводства, с помощью определенных видов примирительных процедур (ст. 153.1., 153.3. ГПК РФ).

Основными из закрепленных ст. 153.7. ГПК РФ результатами примирения участников гражданского процесса стали мировое соглаше-

ние, частичный или полный отказ от иска, частичное или полное признание иска. Именно они являются предпосылкой прекращения судопроизводства по гражданскому делу в рамках альтернативной формы урегулирования спора и достижения согласия – примирения сторон.

Для того, чтобы ответить на вопрос, связаны ли указанные диспозитивные начала гражданского процесса, в рамках которых стороны могут распоряжаться своими специальными правами, и являются ли они итогом примирения, следует остановиться на правовой природе мирового соглашения, отказа от иска и признания иска. Не выходя за пределы заданной проблематики, следует разобраться в научно-исторической природе и содержании самого мирового соглашения. Чтобы определить в чем основные признаки, отличающие его от отказа от иска или его признания, следует обратиться к науке. Научные подходы к природе мирового соглашения можно разделить на три основных.

Первый подход к пониманию юридической сущности мирового соглашения сводится к тому, что оно квалифицируется непременно как юридический акт материального права, главным образом, как двусторонняя гражданско-правовая сделка (гражданско-правовой договор) мирового соглашения как распорядительного процессуального действия сторон, вытекающее из принципа диспозитивности¹⁵.

Д.Л. Давыденко, характеризуя правовую природу судебного мирового соглашения, указывает, что оно «сочетает в себе элементы материального и процессуального права и является «сквозным» (материально-процессуальным). Оно имеет двойственную правовую природу. Поэтому альтернатива «является ли мировое соглашение процессуальным действием сторон или гражданско-правовой сделкой» является мнимой. Ходатайство сторон об утверждении мирового соглашения и прекращении спора является процессуальным действием, но действие это состоит в заключении гражданско-

¹⁵ Д.И. Майер, Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев, И.М. Тютрюмов, В.И. Синайский, Е.А. Нефедьев, Т.М. Яблочков, К. Анохин, М.А. Викум, М.А. Рожкова, И.В. Орлова, С.В. Лазарев, Д.Л. Давыденко и др.

правовой сделки»¹⁶. Эта цитата наводит на мысль о существовании второго подхода. Он заключается в том, что мировое соглашение представляет собой соглашение сторон по поводу материально-правовых отношений, направленное к суду, в целях прекращения судопроизводства по гражданскому делу¹⁷.

М.А. Гурвич, яркий представитель данного подхода, писал: «мировое соглашение является не процессуальным договором, а юридическим составом более сложным, в который входят договор, в смысле сделки гражданского права, и ряд элементов процессуального значения»¹⁸. Третий научный подход основывается на процессуальных началах гражданского процесса. Ученые основывают его на выводе о том, что не всегда стороны могут договориться о материальной стороне гражданского дела и не всегда при этом они идут на взаимные уступки¹⁹.

В свою очередь, Р.Е. Гукасян, являясь представителем третьего подхода, полагал, что поскольку стороны, заключая судебное мировое соглашение или соглашение о примирении, так или иначе всегда одновременно отказываются от продолжения процесса, то так или иначе они уступают друг другу в процессуальном плане²⁰. Из выводов авторов данной процессуальной природы мирового соглашения можно судить, что уступки материального характера не всегда являются целью мирового соглашения, однако это не исключено. Чаще всего стороны лишь отказываются от рассмотрения гражданского дела в суде. В таком случае их уступки могут носить лишь процессуальный характер, они отказываются,

¹⁶ Давыденко Д.Л. Мировое соглашение и мировая сделка, соотношение понятий // Вестник ВАС РФ. 2008. № 12.

¹⁷ И.М. Пятилетов, С.Ю. Вандраков, М.А. Гурвич, В.В. Ярков, Н.Г. Муратова, М.Ю. Чельшева и др.

¹⁸ Советский гражданский процесс : учебник / под ред. М.А. Гурвича. 2 изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1975.

¹⁹ Р.Е. Гукасян, Ю.Г. Городилова, А.И. Зинченко, М.А. Тупчиев, М.А. Рожкова, В.О. Ватаманюк и др.

²⁰ Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволж.кн. изд-во, 1970. С. 136.

к примеру, от первоначальных и встречных требований. Поэтому взаимные процессуально-правовые уступки непременно сопровождают действия по заключению мирового соглашения. Подводя итог вышеизложенному анализу научных позиций, можно согласиться с обоснованием правовой природы мирового соглашения, предложенным М.А. Гурвичем.

По его мнению, судебное мировое соглашение является сложным юридическим составом, включающим в себя юридические акты различной отраслевой принадлежности: 1) заключенный сторонами на суде и утвержденный судом договор гражданского материального права, в силу которого истец и ответчик путем взаимных уступок заново определяют свои гражданские права и обязанности и на этой основе устраняют собой судебный спор; 2) односторонние обращения обеих сторон к суду с требованием о прекращении процесса, одновременные и согласованные по своему содержанию²¹.

Кроме того, в соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» мировое соглашение представляет собой соглашение на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок. Дискуссионным вопросом является подтверждение в мировом соглашении взаимных уступок со стороны участников спорного материального отношения. Если не касаться наполнения мирового соглашения с точки зрения обязательного наличия взаимных уступок, то природа мирового соглашения является полностью процессуальной. В этой связи не имеют такого значения их материальные правоотношения, которые стороны пытаются урегулировать путем примирения. Однако авторы данного подхода не исключают, что стороны могут касаться существа материального спора. Даже если бы суть заключения мирового соглашения состояла лишь в прекращении судопроизводства по гражданскому делу, то не было бы никакого правового смысла прибегать к примирению.

²¹ Советский гражданский процесс / под ред. М.А. Гурвича. М. : Высшая школа, 1975.

тельными процедурам, установленным ГПК РФ. В данных примирительных процедурах стороны пытаются договориться по существу материальной стороны гражданского дела с наименьшими потерями для каждой, в чём им помогают медиаторы и судебные примирители.

Постановлением закреплена возможность заключения мирового соглашения в отношении части заявленных требований, а также включения в него условия не только о частичном, но и полном отказе от иска. Предметом мирового соглашения может являться частичное или полное признание иска, обстоятельств, на которых другая сторона обосновывает свои требования или возражения. Если говорить только о том, что стороны соглашаются прекратить производство по гражданскому делу, то следует отличать мировое соглашение от иных специальных прав сторон (отказ от иска, признание иска). Мировое соглашение, в отличие от отказа от иска, всегда вызывает материально-правовые последствия. При заключении мирового соглашения во всех случаях спорное материальное правоотношение либо прекращается, трансформируясь в иное бесспорное правоотношение, либо изменяется, соответственно прекращая или изменяя субъективные материальные права и обязанности сторон²².

Придерживаясь определенного подхода, мы основываемся на материально-процессуальной природе мирового соглашения, что позволяет сделать вывод о невозможности включения в результаты примирения сторон иных действий, кроме заключения сторонами мирового соглашения.

Примирение сторон – совместная деятельность сторон по достижению приемлемого результата для них обеих в рамках гражданского дела, закрепленного в соглашении между ними.

Важнейшей особенностью судебного примирения как альтернативной процедуры урегулирования спора является то, что его цель состоит не в разрешении дела по существу путем выявления

²² *Есаян В.Г.* Об основных вопросах мирового соглашения в судебном разбирательстве // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2018. № 2 (15).

«правого» или «виноватого» (как при осуществлении правосудия), а в примирении сторон с оптимальным правовым результатом для каждой из них, который вырабатывается на основе согласования между ними²³.

Мировое соглашение, конечно же, является основным результатом примирительной процедуры или, по крайней мере, той целью ради которой была инициирована данная процедура. Другие результаты примирительной процедуры, помимо незаключения мирового соглашения или отказа в его утверждении, свидетельствуют о частичном успехе примирительной процедуры (частичный отказ от иска или частичное признание иска) или являются не чем иным, как одной из форм примирения (полный отказ от иска или полное признание иска)²⁴.

Резюмируя изложенное, предлагаем дополнить ГПК РФ статьей следующего содержания: «В мировом соглашении могут содержаться условия об отсрочке или рассрочке исполнения обязательств ответчиком с указанием сроков отсрочки или рассрочки, уступке права требования, полном или частичном прощении либо признании долга, распределении судебных расходов, условиях принудительного исполнения мирового соглашения и иные условия, не противоречащие закону». В статью 153.7. ГПК РФ внести изменения следующего содержания: «В результате примирительных процедур стороны могут урегулировать спор в полном объеме взаимных требований либо в части, заключив мировое соглашение».

Таким образом, природа мирового соглашения влияет на характер и содержание примирительных процедур. Последние необходимы для реализации альтернативной формы разрешения правового конфликта путем достижения согласия в материальной стороне спора сторонами гражданского процесса, целью которой является

²³ Мораренко Н.Н. Мировое соглашение и другие результаты процедуры судебного примирения // Юридические исследования. 2020. № 8.

²⁴ Там же.

прекращение гражданского дела. Именно поэтому роль суда в примирительных процедурах очень велика. Принятие и утверждение мирового соглашения судом будет подтверждать состоявшееся примирение сторон, что и является задачей судопроизводства по гражданскому процессу.

Библиографический список

1. Вукот М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс : курс лекций. – Саратов, 1998.

2. Давыденко Д.Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

3. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970. – С. 67.

4. Гурвич М.А. Право на иск. – Москва; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 216 с.; Он же: Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. – Москва : РИО ВЮЗИ, 1975. – Т. 38. – С. 3–34.

5. Зинченко А.И. Мировые соглашения в гражданском судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Саратов, 1981. – С. 15.

Гарден Артём Витальевич,
*руководитель направления интеллектуальной
собственности ООО «Юридическая группа «Совет»»,*
Черкасская Дарья Андреевна,
*руководитель отдела HR бренда
ООО «Юридическая группа «Совет»»,*
г. Ижевск

ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ В ДОГОВОРАХ КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ И ЛИЦЕНЗИОННЫХ ДОГОВОРАХ

Свобода договора – один из основополагающих принципов гражданского права, регламентированный статьей 421 ГК РФ, который предполагает возможность выбора участниками гражданских правоотношений пути вступления или невступления в договорные отношения, определения условий данных отношений, а также свободного выбора контрагентов.

Однако свобода в гражданских правоотношениях не может быть абсолютной, поскольку может привести к нарушению прав и свобод отдельных субъектов правоотношений.

Нормой п. 4 ст. 421 ГК РФ закреплено, что стороны свободны в определении условий тогда, когда такие условия прямо не предусмотрены законом. Статья 422 ГК РФ раскрывает смысл данного положения, указывая на необходимость соответствия правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

Указанные нормы играют важную роль в регулировании предпринимательских отношений, поскольку бизнес – это высококонкурентная среда, в которой происходит регулярное столкновение интересов субъектов предпринимательской деятельности. Подтверждением данного тезиса может стать судебная статистика по спорам в арбитражных судах. По данным РБК на ноябрь 2023 г. экономические споры составили более полумиллиона дел²⁵, в свою

²⁵ URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/11/2023/6540e1ca9a794777544c00c4>

очередь, нагрузка на арбитражные суды не уменьшается, а, наоборот, возрастает с каждым календарным годом. Это свидетельствует о росте субъектов предпринимательской деятельности, а также о растущей конкуренции среди них. Таким образом, разумный контроль со стороны государства и введение ограничений, на наш взгляд, является необходимым инструментом регулирования для поддержания баланса интересов и «здорового» уровня конкуренции.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения в сфере конкуренции, является Федеральный закон № 135-ФЗ. Данный нормативный акт содержит норму ст. 11, которая является одним из примеров императивного ограничения, о которых говорит ст. 422 ГК РФ.

Данная статья устанавливает, что соглашения, направленные на ограничение конкуренции, являются ничтожными, однако исключением являются отношения, касающиеся предоставления и (или) отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации юридического лица, средство индивидуализации продукции, работ или услуг (п. 9 ст. 11).

В частности, отношения по предоставлению исключительных прав регулируются нормами права о договорах коммерческой концессии и лицензионных договорах, а также условиями данных договоров.

Исключения для этих видов договоров предусмотрены в связи с тем, что правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности построена на принципе предоставления исключительных прав на эти результаты.

Поскольку предоставление исключительных прав производится на определённый срок, правообладателю может быть затруднительно обеспечить контроль за незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности за пределами этого срока. Кроме того, сбор доказательств незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности может стать невозможным, например, является правовой формой выражения в случае единичного эпизода незаконного использования ноу-хау в коммерческой сфере.

Возможность ограничить конкуренцию в сфере применения конкретного результата интеллектуальной деятельности является

более доступным инструментом правового регулирования, который обеспечивает защиту правообладателя в полном объёме.

Условия об ограничении конкуренции часто применяются в сфере франчайзинга.

Стоит отметить, что договор коммерческой концессии выступает основным инструментом оформления франчайзинговых отношений, а лицензионный договор, который, в свою очередь, также является правовой формой выражения данных отношений, хоть и имеет более широкий спектр применения, также используется для оформления таких отношений.

Говоря о правовой регламентации данных видов договоров, стоит обратить внимание на ст. 1033 ГК РФ, которая по своей сути раскрывает норму ст. 11 ФЗ № 135 и предусматривает возможность включения в договор коммерческой концессии условий, ограничивающих конкуренцию.

Так, статьёй 1033 ГК РФ закреплено правило о включении в договор коммерческой концессии следующих условий:

а) ограничивающих конкуренцию: обязательство не конкурировать с правообладателем на той же территории, на которую распространяется действие договора коммерческой концессии; отказ пользователя от получения по договорам коммерческой концессии аналогичных прав у конкурентов (потенциальных конкурентов) правообладателя;

б) ограничивающих свободу реализации товаров, предоставления услуг: установление правообладателем конкретных цен на реализацию товаров, выполнение работ, услуг, а также цен на их перепродажу; установление правообладателем определённой территории осуществления предпринимательской деятельности; обязательство пользователя не осуществлять реализацию аналогичных товаров, выполнение аналогичных работ или оказание аналогичных услуг с использованием средств индивидуализации других правообладателей; установление обязанности пользователя согласовывать с правообладателем место расположения помещений, используемых при осуществлении предоставленных по договору исключительных прав, а также их внешнего и внутреннего оформления.

Законодательно предусмотренная возможность включения таких ограничений является важной особенностью договора коммерческой концессии. Однако этот инструмент вызывает ряд вопросов как теоретиков, так и правоприменителей, поскольку не имеет установленных критериев ограничения конкуренции.

Стоит отметить то, что договор коммерческой концессии заимствован из норм международного права, однако и на международном уровне отсутствуют единые критерии ограничения конкуренции. Например, европейские юристы отмечают, что оговорка о неконкуренции должна обладать критерием разумности, быть непосредственно связана с предметом основного договора, обладать временными и территориальными ограничениями²⁶.

Отсутствие чётких критериев, по которым должно производиться ограничение конкуренции, приводит к ряду правоприменительных вопросов, таких как:

1. На кого распространяются данные условия и может ли быть применено ограничение конкуренции за пределами действия договора?
2. На какой срок может быть применено ограничение конкуренции?
3. На какую сферу деятельности и на какую территорию может быть применено ограничение конкуренции?

В данной статье мы бы хотели рассмотреть спорный вопрос применения оговорки о неконкуренции за пределами действия договора коммерческой концессии, поскольку в данном случае нашей компании удалось создать прецедент при рассмотрении соответствующего дела в Верховном суде РФ.

Так, в 2020 году один из партнёров сети лазерной эпиляции «ЛазерЛов» открыл студию лазерной эпиляции под собственным брендом. Ведение конкурирующего бизнеса нарушало условия договора коммерческой концессии, из-за чего компания «ЛазерЛов» расторгла договор в одностороннем порядке.

²⁶ URL: <https://www.emulation-innovation.be/en/non-compete-clause-between-firms-company-undertaking-lawyer/>

После разрыва коммерческих отношений пользователь должен был закрыть все действующие студии и прекратить деятельность в этой нише. Однако пользователь просто сменил вывеску и продолжил вести бизнес, пользуясь ноу-хау правообладателя. Последствием стало обращение «ЛазерЛов» с иском к ИП Хусаинову (дело № А71-13420/2020). Одним из требований было взыскание штрафа в размере 1 млн руб. за ведение конкурирующей деятельности.

Контраргументом для применения оговорки о неконкуренции за пределами действия договора являлось то, что после расторжения договора стороны утрачивают статус правообладателя и пользователя; положения ст. 1033 ГК РФ на них распространяться больше не могут – такой же позиции придерживались суды первой и апелляционной инстанций, однако ВС РФ с данной позицией не согласился. ВС РФ указал, что хотя прекращение договора по общему правилу ведёт к освобождению сторон от дальнейшего исполнения принятых на себя обязательств, однако по смыслу п. 2 ст. 453 ГК РФ в договоре могут быть такие условия, которые остаются действительными в силу своей природы и после его прекращения, по своему характеру предназначены действовать даже после прекращения договора.

Решение Верховного суда стало практикообразующим. Таким образом, удалось частично внести ясность в вопросы правоприменения ст. 1033 ГК РФ.

Стоит отметить, что ограничение свободы договора в части определения условий данного договора и ограничения правоспособности франчайзи, прямо предусмотрены в законе только для договора коммерческой концессии. Поэтому в данном случае возникают скорее частноправовые и правоприменительные вопросы, что нельзя сказать о включении подобного рода условий в лицензионный договор. Причиной этому является отсутствие аналогичной нормы в части 4 ГК РФ, содержащей положения о лицензионном договоре, что вызывает ряд сложностей в практике.

В качестве положительных примеров из судебной практики, подтверждающих законность включения такого условия в лицензи-

онный договор, можно привести постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 августа 2021 г. по делу № А65-10157/2020, а также решение Арбитражного суда Удмуртской Республике от 06 апреля 2022 г. по делу № А71-13273/2021.

Указанные судебные акты не только подтверждают законность включения оговорки о неконкуренции в лицензионный договор, но и действие данного условия после расторжения договора.

Так, предметом иска в рамках указанных дел являлось требование о взыскании штрафа за нарушение лицензиатами оговорки о неконкуренции, включенной в лицензионный договор.

Суды поддержали позицию правообладателя и взыскали штраф за нарушение оговорки о неконкуренции.

Подобная позиция правоприменителя представляется нам наиболее правильной с точки зрения защиты интересов правообладателя и здорового уровня конкуренции на рынке франчайзинга, а также недопущения получения субъектами предпринимательской деятельности прибыли за счёт использования секрета производства правообладателя обходным путём.

Решение указанных проблемных вопросов, связанных с ограничением свободы договора концессии и лицензионного договора, на наш взгляд, могло бы быть решено с помощью пересмотра положений ГК РФ. В связи с этим предлагаем пересмотреть положения ГК РФ об ограничениях прав по договору коммерческой концессии, а именно, внести изменения в ст. 1033 ГК РФ, закрепив в ней закрытый перечень конкретных видов допустимых ограничений или их признаков.

А также внести изменения в главу 65 ГК РФ в виде включения положения, аналогичного ст. 1033 ГК РФ с учётом предлагаемых изменений, которая оговорит возможность включения условия об ограничении конкуренции в лицензионный договор с определением конкретных критериев. Необходимость включения данного положения в нормы о лицензионном договоре следует из характера взаимоотношений сторон по лицензионному договору, сущность которых аналогична отношениям, возникающим из договора коммерческой концессии.

Зараев Петр Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского права

Института права, социального управления и безопасности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

К ВОПРОСУ О КОНТРСАНКЦИЯХ И СВОБОДЕ ДОГОВОРА

В 2022 году в силу различных внешнеполитических причин в отношении Российской Федерации со стороны иностранных государств (позднее их назовут недружественными и закрепят в отдельном списке) были введены различные ограничения (санкции). Санкции коснулись внешней торговли, логистики и многих, многих других аспектов жизни государства, юридических и физических лиц.

Ответ не заставил себя ждать. Органы законодательной и исполнительной власти России начали вводить контрсанкционные меры – ограничивать импорт и экспорт товаров, запрещать исполнять обязательства перед отдельными юридическими лицами иностранных государств и прочее. Список ответных мер ширился пропорционально списку накладываемых санкций.

В качестве примера приведем некоторые из них. Обязательная продажа резидентами 80 % валютной выручки (Указ Президента РФ № 29 от 28 февраля 2022 г.), особый порядок осуществления сделок с иностранными лицами, связанными с недружественными странами – предоставление кредитов и займов, отчуждение ценных бумаг стали возможными только с разрешения специальной правительственной комиссии (Указ Президента РФ № 81 от 01.03.2022) и др.

Достаточно напряженная ситуация сложилась в области корпоративных отношений. Многие физические и юридические лица – резиденты недружественных государств – стали продавать доли в уставных капиталах обществ (акции в акционерных компаниях) с целью как можно быстрее освободиться от этих активов и покинуть рынок Российской Федерации.

Данный процесс начал носить лавинообразный характер и касался предприятий во всех сферах деятельности – торговле, оказании услуг, производстве, банковском секторе. Нарастала угроза остановки крупных производств промышленных товаров (в том числе продовольственных) на предприятиях с иностранным участием.

Последовала реакция. 08 сентября 2022 г. был принят Указ Президента РФ № 618. Данный указ, помимо прочего, вводил особый порядок осуществления (исполнения) сделок, связанных с переходом права собственности на доли в уставном капитале российских обществ с ограниченной ответственностью при условии, что стороной такой сделки являлось лицо – резидент иностранного государства, входящего в список недружественных стран или находящегося под контролем лица из такого государства (п. 1 Указа № 618 от 08.09.2022). Подобные сделки могли быть осуществлены только на основании специального разрешения, выдаваемого уполномоченным органом – Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации и (при необходимости) исполнения условий осуществления таких сделок (п. 2 Указа № 618 от 08.09.2022).

Иными словами, была ограничена свободная возможность купить или продать долю в уставном капитале российского общества с ограниченной ответственностью, если продавцом или покупателем являлся резидент иностранного недружественного государства или подконтрольное ему лицо (в целях настоящей статьи данные сделки будут именоваться просто «сделки»).

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть вопрос – является ли подобный контрсанкционный запрет частным случаем ограничения свободы договора в российском гражданском праве (поскольку в текст самого Указа как таковой запрет не вводился, устанавливался «особый порядок совершения» таких сделок), и если да, то к какому виду подобного ограничения он относится и каковы его особенности?

Для ответа на этот вопрос необходимо 1) рассмотреть механизм работы контрсанкционного запрета, 2) соотнести работу данно-

го механизма с понятием ограничения свободы договора (для этого предлагается использовать различные классификации ограничения договорной свободы), 3) сделать соответствующие выводы.

В Указе Президента РФ № 618 от 08.09.2022 Правительству Российской Федерации было предложено разработать механизм выдачи разрешения на совершение вышеназванных сделок.

За основу был взят уже действующий к тому моменту разрешительный механизм, установленный постановлением Правительства РФ № 295 от 6 марта 2022 г. (далее – Правила № 295).

6 июля 2008 г. на основании постановления Правительства России № 510 была создана Правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российскую Федерацию и утверждено соответствующее Положение о её работе. В марте 2022 г. в Положение о комиссии было внесено важное дополнение о том, что для выполнения отдельных возложенных на неё задач комиссия вправе создать подкомиссию. Была создана правительственная подкомиссия под председательством Министра финансов РФ (по существу, более легко организуемый рабочий орган). Данный орган в соответствии с процедурой Правил № 295 принимал решения о выдаче разрешения на совершение сделок и условия их совершения.

Заявитель (им могло быть физическое или юридическое лицо, как покупатель, так и продавец по сделке, как резидент, так и не резидент РФ) должен был собрать определенный Правилами № 295 пакет документов и предоставить его в подкомиссию для рассмотрения.

Ни критериев, ни сроков для рассмотрения заявления об одобрении сделки установлено не было. Данные вопросы решались, что называется, «по ходу» работы подкомиссии и оформлялись ранее редко встречавшимся в нашей юридической технике методом – выписками из решений правительственной подкомиссии, которые публиковались на официальной странице подкомиссии в сети Интернет (<https://minfin.gov.ru/ru/permission/79-81?ysclid=lqzaok1o17941718747>).

Так появилась Форма заявления о выдаче разрешения на совершение сделки (изначально утвержденная выпиской из Протокола

№ 9 от 14 марта 2022 г. с последующими изменениями и дополнениями). И лишь в декабре 2022 г. появились некие критерии, по которым подкомиссия принимала решение о выдаче разрешения (выписка № 118/1 от 22 декабря 2022 г.): 1) наличие независимой оценки рыночной стоимости активов; 2) дисконт при продаже активов в размере не менее 50 % их рыночной стоимости; 3) установление ключевых показателей эффективности для новых собственников предприятия; 4) рассрочка платежа по сделке на 1–2 года или добровольное направление в бюджет денежных средств не менее 10 % от суммы сделки (в сентябре 2023 г. размер отчислений был увеличен до 15 %).

В этот же период времени подкомиссия рекомендовала перечень оценочных организаций для проведения рыночной оценки стоимости отчуждаемых активов, а также список саморегулируемых организаций оценщиков, в которых такая оценка должна была быть подтверждена.

Сроки рассмотрения заявления утверждены не были. В сентябре 2023 г. срок нахождения заявления на рассмотрении подкомиссии мог достигать нескольких месяцев.

По итогам рассмотрения пакета документов заявитель получал согласие правительственной подкомиссии на совершение сделки или отказ в ее осуществлении (в виде выписки из протокола заседания подкомиссии). В свою очередь, положительное решение, как правило, выдавалось под условием, к примеру, согласования с Банком России срока и количества приобретения иностранной валюты резидентом РФ для проведения расчетов по сделке (если резидент являлся покупателем актива).

Отказ в выдаче разрешения, как, впрочем, и положительное решение, ничем не мотивировалось. Таким образом, формальное соблюдение изложенных выше требований не гарантировало заявителю получение положительного результата.

В российском праве принцип свободы договора установлен законодательно в ст. 421 ГК РФ, в соответствии с которой граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Понятие данного принципа принято раскрывать через описание набора элементов, составляющих такой принцип.

В литературе отмечается, что набор элементов, раскрывающих содержание свободы договора, различен в зависимости от авторов и публикаций, однако выделяются основные: 1) свобода заключения договора и выбора контрагента; 2) свобода выбора вида договора (предусмотренного или не предусмотренного законом); 3) свобода определения условий заключаемого договора²⁷.

Свобода договора не абсолютна. В любой правовой системе, в которой провозглашен принцип свободы договора, существует механизм ее ограничения. Такой механизм позволяет ответить на вопрос, где заканчивается свобода заключения договора, и начинается дозволительное законодательное регулирование таких правоотношений. К примеру, в англо-американском праве такую функцию выполняют «надзорные доктрины» или «надзорные теории» (доктрины, касающиеся волеизъявления, формы договора и его содержания, правила справедливости и т.п.)²⁸.

В науке отечественного гражданского права нет единого подхода к классификации ограничений свободы договора.

Ряд авторов говорит о наличии моделей ограничения свободы договора и выделяет две из них – модели *ex ante* (где ограничение содержится в конкретном предписании законодателя) и *ex post* (ретроспективная политико-правовая оценка условий договора соответствию определенным оценочным понятиям, как правило, через анализ его условий в суде)²⁹.

²⁷ *Стригунова Д.П.* Принцип свободы договора: российский и зарубежный опыт // *Гражданское право.* 2018. № 3. С. 11.

²⁸ *Осакве К.* Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // *Журнал российского права.* 2006. № 7. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

²⁹ *Рогова Ю.В.* К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве // *Вестник арбитражной практики.* 2013. № 1. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

В литературе можно встретить деление ограничений свободы договора на негативные и позитивные, законные и договорные³⁰.

Полагаем, что в целях настоящей работы наиболее приемлема и показательна классификация ограничений свободы договора в зависимости от цели ограничения и от сферы распространения ограничения. В соответствии с классификацией по цели, ограничения подразделяются на 1) ограничения в целях защиты слабой стороны в договоре, 2) ограничения в целях защиты интересов кредиторов, 3) ограничения в целях защиты должников, 4) ограничения в целях защиты публичных интересов. Классификацию по сфере запрета предлагается делить на две подгруппы: к первой относятся ограничения для всех участников гражданского оборота, а ко второй – адресованные конкретным субъектам³¹.

Является ли установление особой формы заключения описанных выше сделок случаем ограничения свободы договора?

По нашему мнению, да, является, поскольку, как описано в работе этого контрсанкционного механизма, он затрагивает такие элементы принципа свободы договора, как свобода его заключения и выбора контрагента; и ограничивает определение условий сделки (если ваш контрагент – резидент недружественного государства, а предметом сделки является переход права собственности на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, то такая сделка может быть проведена только с разрешения правительственной подкомиссии, а условия договора должны соответствовать требованиям, выработанным такой комиссией).

В пользу данного утверждения говорит и тот факт, что такой запрет вполне укладывается в приведенные выше классификации ограничений свободы договора. На наш взгляд, речь идет об ограничении свободы договора, установленной в целях защиты публичных

³⁰ Семенов С.Ю. Законные ограничения свободы договора // Вопросы студенческой науки. 2021. № 10 (62). С. 39–40.

³¹ Кузнецова Н.В. Свобода договора и проблема классификации её ограничений в гражданском праве Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2011. № 2. С. 91.

интересов (запрет носит контрсанкционный характер; устанавливает обязательства по направлению определённой суммы денежных средств в бюджет в зависимости от цены договора), адресованной конкретным субъектам (резидентам недружественных государств и их контрагентам).

Каковы же особенности подобного ограничения свободы договора? Полагаем, их три.

Во-первых, это многоуровневый запрет-предписание. Ограничения последовательно раскрываются в нескольких нормативных актах различной иерархии: указ Президента РФ – постановление Правительства РФ – коллегияльное решение специального органа – правительственной подкомиссии, выраженное в форме выписки из протокола заседания комиссии (что в целом согласуется с полномочиями таких органов по регулированию гражданско-правовых отношений, указанными в ст. 3 ГК РФ).

Во-вторых, это запрет-реакция. Ограничение свободы заключения подобных договоров было обусловлено необходимостью ограничить и упорядочить уход иностранных компаний с российского рынка (которые зачастую были вынуждены делать это из-за давления на них правительств недружественных стран); т.е. это реакция на внешнеполитические вызовы, а не, к примеру, конвертация удачных ограничений, выработанных судебной практикой, в конкретные императивные нормы гражданского закона.

В-третьих, данное ограничение свободы договора является как бы смешением двух моделей. С одной стороны, оно представляет конкретное императивное предписание (фактически ограничивает свободу заключения сделок с определённым субъектным составом сторон; и в этой части больше походит на модель ограничения договора – *ex ante*), с другой стороны, предоставляет право оценки конкретных условий договора с целью вынесения окончательного решения об одобрении или отказе в одобрении сделки специальному органу исполнительной власти – правительственной подкомиссии (и с этой стороны, более уместно говорить об использовании модели ограничения *ex post*).

В заключении следует отметить, что, вероятно, любой контрсанкционный запрет на совершение какой-либо категории сделок следует рассматривать как ограничение свободы договора, установленное в целях защиты публичных интересов и, как правило, направленное в отношении определенных субъектов (граждан, организаций, иностранных граждан и компаний). И с этой точки зрения, безусловно, контрсанкционные ограничения будут являться реакцией на внешнеполитические обстоятельства – действия иностранного государства, высказывания их политических лидеров – или прямым ответом на установленные санкционные ограничения.

Однако такие ограничения свободы договора, отличные от содержащихся в тексте кодифицированного нормативно-правового акта, всегда будут обладать своими особенностями, в силу чего представлять интерес для их анализа и изучения.

Библиографический список

1. Кузнецова Н.В. Свобода договора и проблема классификации ее ограничений в гражданском праве Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». – 2011. – № 2. – С. 89–93.

2. Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения [Электрон. ресурс] // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

3. Рогова Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве [Электрон. ресурс] // Вестник арбитражной практики. – 2013. – № 1. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

4. Семенов С.Ю. Законные ограничения свободы договора // Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 10 (62). – С. 37–41.

5. Стригунова Д.П. Принцип свободы договора: российский и зарубежный опыт // Гражданское право. – 2013. – № 3. – С. 10–13.

Кротова Любовь Анатольевна,

к.ю.н, доцент, доцент кафедры уголовного права

и криминологии ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОХРАНЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Согласно ст. 44 Конституции Российской Федерации 1993 г. каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. В большинстве случаев охрана интеллектуальной собственности осуществляется посредством реализации гражданско-правовых и административно-правовых средств защиты, применение которых позволяет, в целом, обеспечить как личные неимущественные, так и имущественные права авторов и иных правообладателей³². В случае же недостаточности последних, применяются уголовно-правовые меры. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав относится к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина, и ответственность за такие посягательства закреплена в ст. 146 Уголовного кодекса РФ.

Диспозиция указанной статьи уголовного закона неоднократно претерпевала изменения, но тем не менее рассматривать имеющий место на сегодня результат законотворческой деятельности как логически продуманную основу уголовно-правовой охраны объектов

³² Так, по результатам исследований учёных в данной области «торговые убытки России в связи с масштабными нарушениями авторских и смежных прав ежегодно составляют около 1 млрд долл. США в год (по данным некоторых специалистов до 3 млрд долл.)». См.: *Притулин Р.В.* Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: проблемы теории и практики : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. URL: <https://lawtheses.com/>

интеллектуальной собственности (в частности авторского права) вряд ли представляется возможным. Показатели правоприменительной практики, приведённые ниже в таблицах 1 и 1.1, по мнению исследователей, свидетельствуют о снижении обеспеченности защиты авторских прав уголовно-правовыми средствами, обусловленной в том числе недостаточностью правовой определённости признаков состава преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ³³, что, в свою очередь, определяет и судебную практику³⁴.

Таблица 1

Ст. 146	Осуждено			Оправдано			Лишение свободы			Условное лишение свободы		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
ч. 1–3												
2022	0	15	65	0	1	0	0	0	1	0	0	42
2021	0	23	98	0	1	0	0	0	1	0	3	61
2020	0	30	107	0	0	1	0	0	1	0	3	81
2019	0	53	171	0	0	1	0	1	5	0	3	138
2018	0	103	208	0	0	1	0	1	12	0	11	186
2017	0	198	283	0	0	1	0	0	7	0	5	262
2016	1	269	314	0	0	1	0	2	15	0	5	274

³³ Шестак В.А. Актуальные проблемы обеспечения уголовно-правовой защиты авторских прав // Адвокатская практика. 2019. № 3. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

³⁴ Именно на необходимость совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики в целях повышения эффективности судебной защиты ориентируют Методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных статьей 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав). URL: <https://67.мвд.рф/document/6315898>

Таблица 1.1

Ст. 146	Штраф			Обязательные работы			Исправительные работы			Ограничение свободы		
	ч. 1–3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2
2022	0	12	2	0	1	0	0	0	1	0	0	0
2021	0	4	9	0	9	0	0	0	0	0	0	0
2020	0	17	6	0	7	0	0	1	0	0	0	1
2019	0	34	2	0	8	0	0	3	0	0	0	1
2018	0	62	2	0	16	0	0	4	0	0	0	0
2017	0	112	4	0	50	2	0	15	2	0	1	0
2016	1	154	3	0	45	0	0	18	0	0	1	0

Более всего вопросов вызывает ч. 1 ст. 146 УК РФ, предусматривающая ответственность за присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю.

В доктрине уголовного права наиболее радикальная позиция представлена предложением декриминализировать деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 146 УК РФ³⁵.

Рассмотрим некоторые доводы, приводимые её сторонниками. Первый из них – зарубежная законодательная практика (Франция, Швейцария). Если в европейских странах ответственность за посяательства на неимущественные права авторов и исполнителей достаточно эффективно обеспечивается в рамках гражданско-правового регулирования, следовательно, нет необходимости включать уголовно-правовой механизм их защиты и в российскую правовую систему³⁶.

³⁵ Крылова К.Н. Уголовно-правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации, Франции и Швейцарии (сравнительно-правовое исследование) : дис... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 162.

³⁶ Там же. С. 162.

Второй довод в пользу декриминализации указанного состава касается указания на «иногo правообладателя». Поскольку права авторства по своей правовой природе являются неотчуждаемыми и, в принципе, не могут быть переданы другому лицу, а наследники, правопреемники могут осуществлять только охрану прав, но не сами права, постольку термин «иной правообладатель» не может использоваться в ч. 1 ст. 146 УК РФ³⁷. Что касается иных правообладателей, то наличие плагиата причиняет имущественный вред, но не затрагивает их личные права.

Наконец, третий довод, приводимый в обоснование исключения ч. 1 ст. 146 УК РФ, состоит в том, что крупный ущерб как криминообразующий признак «не вписывается в смысловое содержание главы 19 УК РФ»³⁸.

Приведённые выше доводы вряд ли можно признать достаточно убедительными. Во-первых, следует отметить, что для стран Европы характерны различные подходы к правовой регламентации охраны интеллектуальной собственности (частью которой является авторское право): либо в рамках межотраслевых актов, в том числе и гражданско-правовых, либо в уголовном законе (например Уголовные кодексы Испании, Болгарии). Не отрицая значимости сравнительно-правовых исследований, тем не менее копирование зарубежного опыта, причём копирование избирательное, без учёта социально-политической обусловленности развития национальных правовых систем, вряд ли можно признать конструктивным.

Во-вторых, даже разделяя позицию автора относительно ошибочности включения в качестве потерпевшего по ч. 1 ст. 146 УК РФ, помимо автора, ещё и «иногo правообладателя», трудно согласиться с утверждением, что декриминализация деяния является единственным средством устранения межотраслевой несогласованности. Оптимальный вариант видится в исключении указания на «иногo правообладателя» из содержания диспозиции уголовно-правовой нормы, что, кстати, и предлагается в научной доктрине уголовного права.

³⁷ Крылова К.Н. Указ. соч. С. 161–162.

³⁸ Там же. С. 162.

В-третьих, наличие в составе нарушения авторских и смежных прав такого конструктивного признака, как «крупный ущерб», однозначно оценивается как неудачное, затрудняющее практическое применение ч. 1 ст. 146 УК РФ³⁹. Толкование данного признака Пленумом Верховного Суда Российской Федерации ориентирует правоприменителей на необходимость учёта реального ущерба (но не морального вреда), размера упущенной выгоды, размера дохода. Но поскольку право авторства относится к нематериальным благам, руководствоваться указаниями высшей судебной инстанции при оценке наличия в деянии признаков уголовно наказуемого плагиата весьма затруднительно.

Более того, если присвоение авторства (плагиат) состоит в «объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объёме или частично) под своим именем, издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени»⁴⁰, следовательно, реальный ущерб может быть причинён лишь в результате использования объекта авторского права, т.е. деяния, ответственность за которое предусмотрена в чч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ.

Таким образом, состав присвоения авторства (плагиат) по конструкции объективной стороны может быть лишь формальным и именно в таком виде «вписывается в смысловое содержание

³⁹ Шестак В.А. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024); Козлов А.В. Проблемы толкования законодательства об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности // Право. Журнал высшей школы экономики. М., 2013. С. 40; Савранский В.А. Преступные посягательства на интеллектуальную собственность: уголовно-правовой аспект : автореф. ... дисс канд. юрид. наук. М., 2017. С. 8; Атаев Г.М. Проблемы совершенствования уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. URL: <https://vdocuments.site/> и др.

⁴⁰ Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс».

главы 19 УК РФ», поскольку его видовым объектом являются конституционные права и свободы человека и гражданина. Иные виды нарушения авторских и смежных прав, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, также сконструированы как формальные. Указанные преступления следует считать оконченными с момента незаконного использования объектов авторских и смежных прав в крупном (особо крупном) размере, независимо от наступления преступных последствий в виде фактического причинения ущерба правообладателю⁴¹.

Несостоятельность приведённых выше предложений стороны сохранения действующей редакции ч. 1 ст. 146 УК РФ как материального состава усматривают в их несоответствии «принципам уголовного закона ввиду несоразмерности общественной опасности этого деяния и установленного уголовно-правового запрета»⁴². По мнению Т. Шарьуровой, само деяние, выражающееся в присвоении авторства, не обладает достаточным уровнем общественной опасности и может отвечать указанному требованию лишь при наличии причинения крупного ущерба.

Вряд ли указанный довод можно признать убедительным и согласиться с ним. Во-первых, многие составы преступлений, расположенные в главе 19 УК РФ, также сконструированы как формальные (что, в целом, является особенностью данной главы), и при этом они относятся к категории преступлений небольшой тяжести. Более того, пределы их наказуемости зачастую ограничены исправительными или обязательными работами, что также свидетельствует об оценке законодателем их типологической общественной опасности как невысокой, но с учётом статуса рассматриваемого права (конституционного) и умышленной формы вины (прямой умысел), целесообразность криминализации присвоения авторства (плагиата) не вызывает сомнений.

⁴¹ Методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных статьей 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав). URL: <https://67.мвд.рф/document/6315898>

⁴² Шарьурова Т.Б. К вопросу о материальной конструкции состава присвоения авторства // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 2. С. 281.

Во-вторых, согласно ч. 3 ст. 20 УПК РФ преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 146 УК РФ, отнесены к делам частного-публичного преследования, т.е. возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. В отличие от дел публичного преследования, криминализация которых обусловлена определённым уровнем общественной опасности деяния, независимо от его оценки пострадавшим, по делам частного-публичного обвинения последний самостоятельно решает вопрос относительно характера и степени нарушения его права, в результате чего выбирает способ защиты (гражданско-правовой либо уголовно-правовой).

Кроме того, рассматривая заявление потерпевшего, правоприменители, в соответствии ч. 2 ст. 14 УК РФ, в каждом конкретном случае дают оценку фактическим обстоятельствам нарушения авторского права с позиции наличия в деянии признака общественной опасности, на основании чего принимают решение, в том числе и решение, исключающее уголовную ответственность.

В то же время представляется небесспорным предложение о внесении в ч. 3 ст. 20 УПК РФ изменений, согласно которым ч. 1 ст. 146 УК будет «отнесена к делам частного обвинения, что позволит прекращать уголовные дела по заявлению потерпевшего, если конфликт между ним и плагиатчиком будет исчерпан, что представляется целесообразным, так как право авторства – это личное право»⁴³. Реализация данной инициативы вряд ли может способствовать повышению правовой защищённости авторских прав, поскольку означает изменение процессуального статуса пострадавшего (признание его частным обвинителем), а отстаивание нарушенных прав в порядке главы 41 УПК РФ требует гораздо большей личной активности с его стороны.

В-третьих, формальная конструкция ч. 1 ст. 146 УК РФ позволит, наконец, снять с повестки обсуждаемый десятилетиями вопрос относительно понятия крупного ущерба как конструктивного признака данного состава преступления.

⁴³ Долотов Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 10.

Таким образом, расположение в структуре действующего УК РФ состава преступления, предусматривающего ответственность за присвоение авторских прав (плагиат), несмотря на редкое применение, следует признать целесообразным, в том числе и в связи с тем, что его наличие обеспечивает реализацию превентивной функции уголовного законодательства (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Библиографический список

1. Притулин Р.В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: проблемы теории и практики [Электрон. ресурс]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – URL: <https://lawtheses.com/> (дата обращения: 20.02.2024).

2. Шестак В.А. Актуальные проблемы обеспечения уголовно-правовой защиты авторских прав // Адвокатская практика. – 2019. – № 3. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

3. Козлов А.В. Проблемы толкования законодательства об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности // Право. Журнал высшей школы экономики. – М., 2013. – С. 39–47.

4. Савранский В.А. Преступные посягательства на интеллектуальную собственность: уголовно-правовой аспект: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 1–24.

5. Агаев Г.М. Проблемы совершенствования уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав [Электрон. ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – URL: <https://vdocuments.site/58-5750a9771a28abcf0cd06926.html?page=1> (дата обращения: 20.02.2024).

6. Методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных статьей 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав). – URL: <https://67.мвд.рф/document/6315898> (дата обращения: 20.02.2024).

7. Крылова К.Н. Уголовно-правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации, Франции

и Швейцарии (сравнительно-правовое исследование) : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 177.

8. Долотов Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 1–31.

9. Шарьурова Т.Б. К вопросу о материальной конструкции состава присвоения авторства // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 2. – С. 280–282.

Кузнецова Надежда Викторовна,
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой
гражданского права ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»,
Маштакова Наталья Андреевна,
к.ю.н., судья Октябрьского районного суда
г. Ижевска

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ СУДА В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Принцип свободы гражданско-правового договора включает в себя в качестве самостоятельного элемента свободу определения сторонами условий заключаемого договора. Безусловно, есть и ограничения данного положения ст. 421 ГК РФ, например, недопустимо изменять условия заключаемого договора в тех случаях, когда они установлены императивными нормами закона или иных правовых актов. Интересным в этой части является вопрос об определении цены договора. Данный вопрос имеет значение ещё и потому, что все договоры в гражданском праве предполагаются возмездными (п. 3 ст. 423 ГК РФ). В большинстве случаев стороны самостоятельно определяют условие договора о цене. В рамках отдельных видов договоров подлежит применению так называемая регулируемая цена. К таким договорам, например, относятся все публичные договоры, некоторые виды договоров аренды и др. По общему правилу цена договора не относится к числу его существенных условий. Данное обстоятельство обусловлено тем, что ГК РФ содержит норму, восполняющую условие о цене в возмездном договоре при её отсутствии. Так, правило п. 3 ст. 424 ГК РФ предусматривает, что в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы, услуги. Исключения составляют договоры,

для которых условие о цене отнесено законом к числу существенных условий договора, например, норма ст. 555 ГК РФ предусматривает цену в качестве существенного условия договора купли-продажи недвижимого имущества; правило ст. 654 ГК РФ относит к числу существенных условий размер арендной платы по договору аренды недвижимого имущества; в договоре купли-продажи с условием рассрочки платежа условие о цене также является существенным (п. 1 ст. 489 ГК РФ) и др.

Особые правила о цене предусмотрены гражданским законодательством для договора займа. В договоре займа ценой являются проценты за правомерное пользование денежными средствами. Размер процентов определяется либо соглашением сторон, либо по правилам п. 1 ст. 809 ГК РФ, т.е. ключевой ставкой Банка России, действующей в соответствующие периоды пользования заёмными средствами. В судебной практике довольно часто встречались споры, связанные с оспариванием установленной сторонами по договору займа процентной ставки. Как правило, такие споры возникали в связи с существенным превышением договорных процентов за пользование суммой займа средних ставок банковского процента. Судебная практика в таких случаях становилась на сторону заёмщика в целях обеспечения защиты его имущественных интересов как слабой стороны по договору. Суды усматривали в указанных случаях злоупотребление правом со стороны займодавца при взыскании с заёмщика повышенных договорных процентов и отказывали в удовлетворении его требований со ссылкой на ст. 10 ГК РФ. Данная практика представлялась спорной, поскольку суды вмешивались в содержание договора, определённого соглашением сторон. Особенно странной казалась такая судебная практика в тех случаях, когда возникал вопрос о возможности её распространения на другие гражданско-правовые договоры, например куплю-продажу, аренду, подряд. Подобные ситуации были немыслимы. Решение вопроса о возможности уменьшения судом процентов за правомерное пользование чужими денежными средствами было найдено путём внесения соответствующих дополнений ст. 809 ГК РФ в 2018 году.

Содержание данной статьи было дополнено п. 5, предусматривающим право суда снижать размер процентов за правомерное пользование чужими денежными средствами в тех случаях, когда размер договорных процентов в два и более раза превышает обычно взимаемые в подобных случаях проценты в отношениях потребительских займов. Право суда на уменьшение процентов за правомерное пользование суммой займа, на наш взгляд, исключает возможность ссылаться на ст. 10 ГК РФ в указанных случаях.

Возникает вопрос, был ли иной, законный путь снижения процентов за правомерное пользование заёмными средствами до внесения дополнений в ст. 809 ГК РФ? Представляется, что на этот вопрос следует ответить положительно. Законным основанием являлись и остаются на сегодняшний день правила ст. 428 ГК РФ. Очевидно, что при заключении договоров займа не заёмщик, а именно займодавец определяет условия заключаемого договора, а заёмщик только либо соглашается на предложенные условия, либо отвергает их. В зависимости от этого решается вопрос: заключен договор займа или нет. Иначе говоря, договор займа подлежит заключению чаще всего по типу договора присоединения. Правила ст. 428 ГК РФ предусматривают определённые последствия заключения договора по типу договора присоединения. Сторона, присоединившаяся к предложенным условиям договора, вправе требовать его изменения или расторжения в случаях, когда договор содержит явно обременительные условия для неё, и которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у неё возможности участвовать в формировании условий договора. Причём правила эти подлежат применению и в тех случаях, когда договор заключен в обычном порядке, но другая сторона имела явно неравные возможности в определении условий заключаемого договора (п. 3 ст. 428 ГК РФ). Представляется, что именно по пути применения правил ст. 428 ГК РФ должна была идти судебная практика в вопросе снижения размера процентов за правомерное пользование чужими денежными средствами в договорах займа.

Другое дело, когда в заключенном гражданско-правовом договоре цена может быть изменена по требованию одной стороны (ст. 310 ГК РФ). Вот в таких случаях интересы другой стороны подлежат защите с учётом правил ст. 10 ГК РФ. Об этом свидетельствует и судебная практика. Например, если заёмщиком является субъект предпринимательской деятельности, и в договоре займа содержится условие о его праве в одностороннем порядке изменять указанные проценты, то суд, при взыскании повышенных процентов, имеет право сослаться на ст. 10 ГК РФ и отказать в удовлетворении части требования. Аналогичное правило можно найти в рамках применения законодательства о договоре аренды. Так, в соответствии с п. 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 17 ноября 2011 г., если арендодатель, согласно ст. 310 ГК РФ, имеет право в одностороннем порядке изменять размер определённой договором арендной платы и устанавливает её значительно выше, чем средние ставки арендной платы за аналогичное имущество в данной местности, суд, при взыскании повышенной арендной платы, вправе применить ст. 10 ГК РФ и отказать арендодателю в части исковых требований, ссылаясь на злоупотребление правом с его стороны.

Таким образом, суды имеют право непосредственно влиять на содержание заключаемых участниками гражданского оборота договоров, в том числе ограничивать их свободу.

Кузнецова Надежда Викторовна,

*к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданской права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ВИДЫ ОГРАНИЧЕНИЙ СВОБОДЫ ДОГОВОРА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА КРИТЕРИЯ

Действующее законодательство не только предусматривает свободу гражданско-правового договора, но и устанавливает определённые ограничения такой свободы. На сегодняшний день в юридической литературе отсутствует единая стройная система ограничения свободы договора. Данное обстоятельство во многом обусловлено проблемами выбора критериев разграничения ограничения свободы договора на виды. В большинстве случаев, рассматривая виды ограничений свободы договора, авторы подразделяют их на установленные законодательством и предусмотренные соглашением сторон (их именуют также объективными и субъективными), а также на общие и специальные⁴⁴. Встречаются и более объёмные классификации ограничений договорной свободы. Например, разграничение их в зависимости от норм права, регулирующих соответствующие отношения. В данной классификации выделены нормы, ограничивающие внешние пределы свободы договора: пределы осуществления гражданских прав, временные ограничения товарооборота, вводимые в соответствии с положениями ст. 55 Конституции РФ и ГК РФ; общие положения о правосубъектности субъектов гражданского права, оборотоспособности объектов гражданских прав и внутренние изъятия из свободы договора: ограничение свободы договора по субъектному составу, в зависимости от существенных условий заключаемого договора, требования о правилах оформления и государственной регистрации граждан-

⁴⁴ *Забоев К.И.* Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 186.

ско-правовых договоров. Положения действующего законодательства о непоименованных договорах, правила об обязательных основаниях заключения договоров в гражданском праве и положения об особом порядке заключения договоров в тех случаях, когда требуется лицензия на занятие определённым видом деятельности⁴⁵. Безусловно, значимой является и классификация ограничений свободы договора, предложенная М.И. Брагинским и В.В. Витрянским. По мнению указанных авторов, все ограничения договорной свободы делятся на две группы: негативные ограничения, включающие в себя требования к специальному субъектному составу договоров и преимущественные права на заключение отдельных видов договоров, а также позитивные, к которым относятся установление отдельных видов договорных условий императивными нормами, а также обязательные основания заключения гражданско-правовых договоров⁴⁶. Не сложно заметить, что одни и те же виды ограничений встречаются в различных классификациях, но при этом критерии разграничения ограничений на виды являются различными. Очевидно, что значимость выбора критерия разграничения ограничений свободы договора на виды сложно переоценить, поскольку любая классификация имеет в том числе методологическое значение. Кроме того, игнорирование субъектами гражданского оборота установленных ограничений свободы договора может повлечь за собой признание его незаключенным либо недействительным в зависимости от вида нарушенного ограничения.

Нельзя не согласиться с тем, что самым общим критерием разграничения ограничений свободы договора на виды является источник установления таковых. По источнику установления ограничений договорной свободы они делятся на: 1) ограничения, установленные законом, 2) ограничения, установленные иными правовыми актами, 3) ограничения, установленные судебной практикой

⁴⁵ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Изд. 2-е, испр. М. : Статут, 1999. С. 161.

⁴⁶ Там же. С. 186–187.

и 4) ограничения, установленные соглашением сторон. Далее, классификация ограничений договорной свободы может быть осуществлена в зависимости от динамики гражданско-правового договора. К ограничениям, связанным с заключением договора, можно отнести требования к субъектному составу договора (требование к правосубъектности лиц, вступающих в договорные правоотношения; требование к специальному субъектному составу договора; запреты на заключение определённых договоров определёнными лицами). К ограничениям, связанным с содержанием заключаемого договора, можно отнести: 1) необходимость достижения соглашения сторонами по всем существенным условиям заключаемого договора; 2) ограничения, установленные императивными нормами, предусматривающими отдельные условия заключаемого договора; 3) недопустимость злоупотребления правом при заключении договора; 4) недопустимость исключения или уменьшения размера ответственности, установленной законом за нарушение договорных обязательств.

Заключение договора связано с необходимостью придания ему соответствующей формы. Свобода оформления договора, предусмотренная п. 1 ст. 434 ГК РФ, также определённым образом ограничена. Стороны не вправе изменить императивные правила о нотариальной форме договора и простой письменной форме в случаях, предусмотренных законом, под страхом его недействительности. Необходимость соблюдения письменной формы в иных случаях обусловлена невозможностью ссылаться на свидетельские показания по факту и условиям заключенного договора.

Самостоятельным критерием разграничения ограничения договорной свободы являются правила, относящиеся к изменению условий заключенного договора. Ограничение установлено правилами ст. 310 ГК РФ, в соответствии с которыми участники договорного правоотношения (за исключением субъектов предпринимательской деятельности) не имеют права включать в содержание договора дополнительные, по сравнению с законом, основания его изменения. Исключением из данного правила является предоставленное нормой ст. 315 ГК РФ право должнику по договору (за исклю-

чением субъектов предпринимательской деятельности) досрочно исполнить возникшее из договора обязательство, если иное правило не установлено законом, иными правовыми актами, соглашением сторон, обычаем или существом договорного обязательства. Для субъектов предпринимательской деятельности, которым предоставлено право включить в договор основания для одностороннего изменения его условий, ограничением является правило ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом.

Определённые ограничения свободы договора связаны и с исполнением договорных обязательств. Так, например, стороны не вправе включить в договор условие о погашении процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами, равно как и неустойки, до суммы основного долга (п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»); сторона по договору не имеет права требовать принудительного исполнения договорного обязательства, если она не исполнила по нему встречное обязательство (п. 3 ст. 328 ГК РФ); суду предоставлено право уменьшать размер процентов за правомерное пользование чужими денежными средствами по договору займа, заключенному с гражданином-заёмщиком, если проценты по договору в два и более раза превышают обычно взимаемые в указанных случаях проценты и др.

Самостоятельным критерием ограничения свободы договора является договорная ответственность сторон. Установленный соглашением сторон размер неустойки за нарушение договорных обязательств может быть снижен по решению суда в случае несоразмерности её последствиям нарушения обязательства контрагентом (ст. 333 ГК РФ). Так, например, суд может признать размер взыскиваемой неустойки несоразмерным последствиям нарушения обязательства должником, если он превышает размер средних ставок банковского процента по краткосрочным кредитам (п. 75 постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7

«О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). Аналогичное правило предусмотрено для применения такой особой формы гражданско-правовой ответственности, как проценты за неправомерное пользование чужими денежными средствами (п. 6 ст. 395 ГК РФ). Применительно к задатку правило об уменьшении размера задатка подлежит применению судами по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ).

Установлены законодателем и ограничения договорной свободы в случаях признания договора недействительным. Ограничения связаны с применением принципа эстоппеля при принятии стороной исполнения обязательства по договору и исполнением ею своих договорных обязательств (полностью или в части). В этом случае указанная сторона, по общему правилу, не имеет права требовать признания договора недействительным (п. 2 ст. 431.1 ГК РФ). Ещё одно ограничение свободы договора в данной сфере можно сформулировать исходя из содержания п. 3 ст. 431.1 ГК РФ: стороны по договору (за исключением субъектов предпринимательской деятельности) не вправе устанавливать договорные последствия недействительности заключенного договора.

Следующим критерием ограничения принципа договорной свободы является прекращение договора. В сфере прекращения договора ограничения связаны прежде всего с его расторжением. Если по соглашению стороны могут в любое время расторгнуть заключенный между ними договор, то для расторжения по требованию одной стороны требуется соблюдение определённых правил. Для расторжения договора в одностороннем порядке необходимы основания и соблюдение установленного законом порядка расторжения (ст. 452 ГК РФ). При этом в договорных отношениях с участием граждан основания для одностороннего расторжения договора, по общему правилу, могут быть установлены только законом. Использование сторонами такой правовой формы прекращения договора, как отказ от договора (исполнения обязательств по договору) также связано с определёнными ограничениями. Так, напри-

мер, граждане не имеют право включать в договор основания для одностороннего отказа от договора (исполнения обязательств по договору), такое право имеют только субъекты предпринимательской деятельности, либо такие основания могут быть предусмотрены соглашением между субъектами предпринимательской деятельности и гражданами для граждан (слабой стороны по договору) (п. 2 ст. 310 ГК РФ). Кроме того, гражданам как субъектам заключаемого договора запрещено включать в договор условие о взимании платы за односторонний отказ от договора (исполнения обязательств по договору), таким правом обладают только субъекты предпринимательской деятельности. Однако и для предпринимателей в части установления платы за односторонний отказ от договора (одностороннее исполнение обязательств по договору) установлены определённые ограничения. Так, в соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 года «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» в случаях установления права на односторонний отказ от договора императивной нормой, условие договора об обязанности выплаты определённой денежной суммы за отказ является ничтожным.

Развитие гражданского законодательства в сфере регулирования договорных отношений, безусловно, может повлечь за собой появление новых критериев установления ограничения договорной свободы.

Лямин Денис Викторович,

аспирант кафедры гражданского права

Института права, социального управления и безопасности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ О ПРИНЦИПЕ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

В настоящее время принцип свободы договора, осмысленный ранее философами позднего Средневековья, продолжает оставаться актуальным и основополагающим в системах гражданского права большинства ведущих стран мира, включая Россию. Сущность этого принципа заключается в том, что стороны договорного правоотношения наделяются возможностью по своему усмотрению устанавливать права и обязанности на основании договорённости, самостоятельно выбирать контрагента для заключения договора и определять любые не противоречащие законодательству условия договора. Иначе говоря, принцип свободы договора означает, что ни одно лицо не может быть принуждено к заключению договора вообще или к акцептации каких-либо его условий в частности. Стороны обладают возможностью по своему усмотрению заключить или не заключить договор, выбрать контрагента для совершения сделки, а также самостоятельно согласовать любые условия договора, регламентирующие их права и обязанности по договору.

Необходимо подчеркнуть, что принцип свободы договора имеет свои истоки не столько в правовой и экономической плоскостях, сколько в сфере философского осмысления таких фундаментальных категорий, как свобода воли, моральный выбор, личная ответственность. Как подчеркивается в научной литературе, юриспруденция, рассматриваемая и как теоретически-научная, и как практическая дисциплина, базируется на философских знаниях⁴⁷.

⁴⁷ *Пиголкина А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А.* Теория государства и права : учебник для академического бакалавра. М., 2019. С. 20.

Философские основы принципа свободы договора уходят в прошлое и тесно связаны с постепенной выработкой представлений о свободе воли и волеизъявления в истории философской мысли. Начиная с античности и вплоть до Нового времени и современности, взгляды мыслителей на природу свободы воли претерпевали существенную эволюцию в зависимости от конкретно-исторической эпохи и господствующей мировоззренческой парадигмы. Однако в результате кропотливой интеллектуальной работы постепенно было выработано понимание того, что именно свобода волеизъявления составляет базис любых договорных правоотношений.

Актуальность настоящей проработки вопроса определяется тем, что философские предпосылки и основания принципа свободы договора до сих пор являются предметом дискуссий в научной литературе.

Концепт «свобода» является важнейшей составляющей термина «свобода договора», поскольку этот концепт содержит в себе многовековую традицию философского осмысления, восходящую ещё к истокам античной мысли. Проблематика свободы воли во все эпохи привлекала пристальное внимание крупнейших мыслителей. Уже в философии Древней Греции вопрос о свободе занимал центральное место. Так, в этическом учении Сократа свобода понималась прежде всего как осознание необходимости, как освобождение разума от иррациональных влечений путём познания объективных законов бытия. Ученик Платона Аристотель разработал философское учение о нравственной свободе воли. Аристотель полагал, что человек наделён свободой выбора между добродетелью и пороком, между нравственным совершенствованием и моральным падением. Благодаря свободе воли индивид может сознательно и добровольно стремиться к добродетели и постепенно преобразовывать свою личность в соответствии с высшим благом. Идея свободы воли получила дальнейшее развитие в трудах А. Августина, Ф. Аквинского, Э. Роттердамского, М. Монтеня и других средневековых философов. Они рассматривали проблему свободы сквозь призму христианского мировоззрения. Огромное значение для осмысления феномена свободы имела философия Нового времени, когда

и стали возникать идеи, впоследствии ставшие основой современной гражданско-правовой теории. Декарт обосновал свободу индивидуального мышления, свободу критически мыслящего *cogito*. Спиноза рассматривал свободу как осознанную необходимость. Но вершиной философии свободы стала концепция автономии нравственной свободы И. Канта, который обосновал свободу как априорную способность практического разума. Вслед за Кантом о свободе как о категории межличностных отношений размышляли К. Маркс, Г. Гегель и др.

В философском словаре под редакцией И.Т. Фролова Э.А. Арабом-Оглы дается следующее определение понятия «свободы»: это «способность человека к активной деятельности в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами»⁴⁸. Данное понимание свободы как возможности человека действовать согласно собственной воле имеет принципиальное значение и для юридической науки.

Одной из главных ценностей права является обеспечение свободы личности. Право призвано создавать условия, при которых каждый человек может жить и действовать в соответствии со своими убеждениями, интересами и целями. Как справедливо отмечено, практическая реализация внутренней, психологической свободы индивида осуществляется благодаря внешним, объективным возможностям, предоставляемым ему обществом и государством.

Именно в создании таких правовых возможностей для реализации свободы и заключается юридическое содержание этого феномена. Право призвано устанавливать границы свободы каждого лица, обеспечивая разумный баланс между индивидуальной свободой гражданина и свободой других членов общества. Причём свобода никогда не может быть абсолютной, она всегда конкретна и относительна⁴⁹. Свобода, рассмотренная в рамках гражданских

⁴⁸ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. С. 502.

⁴⁹ Там же. С. 503.

правоотношений, не предполагает, что индивид, будучи свободным, может «делать что хочет», по определению Андре Конт-Спонвиля⁵⁰, поскольку право ставит границы свободы. В этом смысле в рамках права справедлива академическая трактовка свободы как универсальной способности человека, которая «делает право и необходимым, и возможным», причём так, что «появляется необходимость её [свободы] ограничения»⁵¹.

Эпистемологический анализ феномена свободы в трудах выдающегося рационалиста Б. Спинозы представляет несомненный интерес для юриспруденции в контексте осмысления принципа свободы договора. В своей философской концепции Спиноза трактует свободу как единство разума и воли. Он категорически отрицает традиционную дихотомию свободы и необходимости, утверждая, что эти феномены взаимообусловлены: подлинная свобода, согласно мнению философа, имеет своей сущностью осознанную необходимость⁵². Настоящей антитезой необходимости, по Спинозе, является не свобода, а произвол, спонтанные волевые акты, не основанные на разуме⁵³.

Таким образом, философ акцентирует рациональность как ключевую характеристику истинной свободы. Он проводит демаркацию между разумной свободой и иррациональным произволом. Эта идея приобретает особую релевантность в контексте юридического дискурса. Она позволяет выявить важнейший критерий правовой свободы – её обусловленность рациональным интересом субъекта, действующего добросовестно и разумно на основе объективного знания.

⁵⁰ André Compt-Sponville Dictionnaire philosophique. М., 2012. С. 510.

⁵¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права : монография. СПб., 2012. С. 42.

⁵² Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт – Спиноза – Кант / В.П. Сальников, Д.В. Масленников, Н.В. Зорина, К.Г. Прокофьев // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 10. С. 183.

⁵³ Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Амалфея, 2007. 480 с.

Применительно к принципу свободы договора концепция Спинозы означает, что контрагенты обладают свободой устанавливать условия соглашения, однако эта свобода не может быть абсолютной, она лимитирована требованиями разумности, справедливости, добросовестности и ответственности.

Из идей Спинозы вытекает заключение, что право не должно санкционировать безграничную свободу. Оно призвано защищать ответственную свободу в рамках общих правил и норм. В свою очередь государство также не может и не должно защищать абсолютную, ничем не ограниченную свободу, которая может выражаться в террористической, экстремисткой и прочей бесконтрольной деятельности⁵⁴. Государство, подчёркивает мыслитель, должно предоставить максимально возможную свободу гражданину, однако эта свобода не должна приносить вред естественно сложившейся социальной общности⁵⁵. Согласно философскому подходу Спинозы, главная цель государства – сделать так, чтобы гражданин наилучшим образом удерживал право на существование без вреда другим и себе, что и реализуется посредством разумного ограничения абсолютной свободы⁵⁶.

Можно утверждать, что свобода как философская категория в теории права, являясь некоторой формой человеческих отношений, производна от ограничений. Свободная воля, как подчёркивается в академической литературе по философии права, находится в подчинении законам разума, «опосредуясь сознанием субъекта этой воли»⁵⁷.

⁵⁴ Волгина Д.Е. Философские основы принципа свободы договора // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 10 мая 2019 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 130.

⁵⁵ Трансцендентализм и идея... С. 184.

⁵⁶ Рудь Б.Ю. К проблеме свободы философствования в государстве у Бенедикта Спинозы // Гуманітарні студії. 2008. № 4. С. 49.

⁵⁷ Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика. М., 2018. С. 30.

Эта концепция оказала влияние на современную трактовку свободы в юридической доктрине государственной системы⁵⁸. Так, в современном законодательстве (ст. 30 Гражданского кодекса РФ) активно практикуется ограничение дееспособности, что равнозначно ограничению свободы, лиц, страдающих душевными расстройствами, употребляющих алкогольные и наркотические вещества, испытывающих пристрастие к азартным развлечениям, – в этом и проявляется такой философский аспект свободы, как «разумность» её применения и ограничения. Отметим, что согласно российскому законодательству свобода таких лиц не ограничивается абсолютно, поскольку такие граждане остаются «вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки» (п. 1 ст. 30 ГК РФ). Однако для совершения других сделок необходимо наличие попечителя и согласия с его стороны, иначе говоря, действует следующий принцип: практическая реализация внутренней свободы личности осуществляется благодаря объективной возможности, или внешней свободе, для такой деятельности⁵⁹.

Концепция свободы как «осознанной необходимости», в интерпретации Спинозы, обретает онтологический статус и в современной доктрине дифференциации правосубъектности в зависимости от возраста.

Выделяются три градации дееспособности субъектов в зависимости от возраста: дееспособность малолетних от 6 до 14 лет (ст. 28 ГК РФ), дееспособность несовершеннолетних от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ) и дееспособность граждан старше 18 лет (ст. 21 ГК РФ). Отдельно подчеркнём, что полностью недееспособными, согласно российскому законодательству, являются граждане до 6 лет, что предполагает их полностью ограниченное участие (даже в опосредованных формах) в процессе заключения свободного договора.

⁵⁸ Субботин Ю.В., Тарасова Ю.Н. Спиноза об идее «ограничения свободы государством» // Образование и право. 2021. № 7. С. 56-59.

⁵⁹ Философский словарь... С. 503.

Такая правовая дифференциация основана на представлении о постепенном нарастании уровня разумности и критичности мышления по мере взросления индивида, что в конечном итоге позволяет предоставить ему максимально широкие возможности для реализации гражданской правосубъектности и свободы усмотрения. Этот подход коррелирует с идеей Спинозы о разумности как конститутивном свойстве подлинной свободы.

Соответственно, ограничение свободы договора является не только правовой, но и осмысленной необходимостью, препятствующей злоупотреблению гражданскими правами, а также подрыву общественного порядка⁶⁰.

Идеи Б. Спинозы об обусловленности подлинной свободы разумом и познанием объективной необходимости оказали глубокое воздействие на последующее развитие европейской философии.

В частности, огромное влияние его учения испытал Иммануил Кант – крупнейший немецкий философ эпохи Просвещения. Развивая рационалистическую традицию в понимании феномена свободы, Кант вывел её осмысление на новый уровень, указав на неразрывную взаимосвязь свободы и морали, тем самым определив философские основы свободы договора в современных условиях.

Центральным пунктом философии свободы Канта является положение о том, что подлинная свобода может реализоваться лишь посредством добровольного следования личности категорическому императиву – всеобщему нравственному закону. Повинуясь голосу долга и нравственной веры, разум освобождает волю от иррациональных импульсов и произвола. Тем самым свобода обретает высшее моральное измерение. Согласно Канту, который, равно как и Спиноза, обогатил теорию права, правовой принцип свободы заключается в следующем: «прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом»⁶¹.

⁶⁰ *Денисов С.А.* Преимущественное право на заключение договора как институт, устанавливающий пределы свободы заключения договора // Законодательство. 1997. № 2. С. 34.

⁶¹ *Кант И.* Сочинения : в 8-ми т. Т. 6. М., 1994. С. 254.

Эта этико-правовая концепция свободы Канта существенно обогатила философские интуиции Спинозы. Если у последнего свобода связывалась прежде всего со стремлением разума к постижению объективных закономерностей мира, то Кант в качестве высшего ориентира свободы указал на универсальный нравственный закон. Именно следование внутреннему моральному долгу и есть высшее предназначение разумной свободной личности в этико-правовом учении Канта. Таким образом, в учении мыслителя определяется ещё один ключевой элемент принципа свободы договора, наряду со спинозовской «осмысленностью», – моральность⁶². Категорический императив Канта, повелевающий поступать согласно таким всеобщим нравственным принципам как долг, справедливость, уважение автономии других, задаёт необходимый моральный вектор подлинной свободе.

Данная идея получает своё развитие и в современном понимании принципа свободы договора. Стороны договорных отношений действительно наделены значительной свободой в определении условий договора, выборе контрагента и т.д. Однако эта свобода не может быть безграничной. Она ограничивается требованиями морали, разумности, добросовестности и ответственности в отношениях между контрагентами.

Более того, законодательство говорит о «злоупотреблении правом», когда субъект использует предоставленные свободы вопреки их социальному назначению, противореча моральным устоям (ст. 10 ГК РФ). Видно влияние кантовских этико-правовых идей, указывающих на мораль как необходимую составляющую истинной свободы наряду с разумностью. Только сплав здравого смысла и нравственной воли может служить прочным базисом принципа свободы, с точки зрения Канта, что сохраняет актуальность и для современной юридической практики.

Отсюда мы видим глубокую преемственность в развитии философско-правовых идей принципа свободного договора от Спинозы через Канта к реалиям сегодняшних дней. В российском законодатель-

⁶² Волгина Д.Е. Указ. соч. С. 130.

стве это наиболее лаконично выражено в п. 5 ст. 10 ГК РФ, в котором утверждается, что в гражданских правоотношениях предполагается «добросовестность участников» и «разумность их действий».

Резюмируя изложенное, можем констатировать ряд существенных выводов о философских основах принципа свободы договора. Во-первых, ключевая роль в становлении принципа свободы договора принадлежит Б. Спинозе и И. Канту. Спиноза обосновал идею единства разума и воли, рациональности как неперменного свойства подлинной свободы. Кант дополнил это положение этико-правовым императивом – требованием нравственности и ответственности. Соединение этих начал и составило философский фундамент принципа свободы договора как сознательного и добровольного соглашения сторон. Во-вторых, прослежена эволюция философско-правовых представлений о свободе воли вплоть до закрепления в современном российском законодательстве. ГК РФ вобрал в себя основные постулаты Спинозы и Канта – требования разумности, добросовестности, нравственной ответственности субъектов правоотношений. Это подтверждает актуальность и жизненность идей великих мыслителей прошлого в теории права на современном этапе. Таким образом, современный фундаментальный принцип свободы договора имеет прочный философский базис, основы которого закладывались ранее на протяжении столетий.

Библиографический список

1. Волгина Д.Е. Философские основы принципа свободы договора // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 10 мая 2019 г. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 129-131.

2. Денисов С.А. Преимущественное право на заключение договора как институт, устанавливающий пределы свободы заключения договора // Законодательство. – 1997. – № 2. – С. 34.

3. Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.

4. Кант И. Сочинения : в 8-ми т. Т. 6. – М., 1994. – С. 254.
5. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика. – М., 2018. – С. 30.
6. Пиголкина А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права : учебник для академического бакалавра. – М., 2019. – С. 20.
7. Рудь Б. Ю. К проблеме свободы философствования в государстве у Бенедикта Спинозы // Гуманітарні студії. – 2008. – № 4. – С. 47-54.
8. Субботин Ю.В., Тарасова Ю.Н. Спиноза об идее «ограничения свободы государством» // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 56-59.
9. Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт – Спиноза – Кант / В.П. Сальников, Д.В. Масленников, Н.В. Зорина, К.Г. Прокофьев // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 177-192.
10. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
11. Честнов И.Л. Постклассическая теория права : монография. – СПб., 2012. – С. 42-43.
12. André Compt-Sponville Dictionnaire philosophique. – М., 2012. – С. 510.

Малярчук Оксана Анатольевна,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,

Шеленга Наталья Анатольевна,

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,

г. Тирасполь

СВОБОДА ДОГОВОРА И АВТНОМИЯ ВОЛИ СТОРОН: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Свобода договора традиционно признается одной из аксиом цивилистики, которая воплощается в форме одного из ее базовых принципов. Сам термин «договор» лексически сориентирован на определённые его свойства, предполагающие потенциальные возможности участников определять индивидуальные модели проведения, что имеет принципиально важное значение для сферы гражданско-правовых отношений, строящихся и регулируемых на основе равенства и диспозитивности.

Сегодня в научной среде не оспаривается включение свободы договора в систему гражданско-правовых принципов, но в то же время праведы ведут дискуссии относительно его содержательных элементов. Так, С.С. Алексеев, рассматривая свободу договора с философско-правовых позиций, отмечает: «Свобода всегда есть возможность не связанного ничем выбора, решения, независимого ни от кого, ни от какой внешней силы, в том числе государственно-политической... Более того, в кодексе (гражданском – прим. авт.) закреплена и более широкая и в чём-то даже более значимая законодательная формула – свобода договора как высшее выражение юридически значимой свободы воли участников гражданских отношений»⁶³. Исследуя свободу договора и ее пределы, А.Г. Кара-

⁶³ Алексеев С.С. Философия права. М : Норма, 1988. С. 45, 135.

петов и А.И. Савельев выделяют содержательный и процедурный аспекты свободы договора: «Содержательная свобода договора постулирует право участников оборота по собственному усмотрению выбирать и определять тип и условия контракта, включая цену и иные права и обязанности сторон. В проблемное поле, возникающее вокруг принципа содержательной свободы договора, входят такие вопросы, как императивные и диспозитивные нормы закона, возможность заключения непоименованных и смешанных договоров, контроль стандартизированных условий договора, контроль справедливости договорных условий посредством применения принципа добросовестности и многие другие... Процедурная свобода договора реализуется в праве свободного выбора контрагента и принятия решения о заключении договора. Проблемное поле, которое вокруг него формируется, включает в себя анализ тех случаев, когда право позволяет понуждение к заключению договора, лишает контрагента права свободного выбора партнёров или запрещает дискриминационное уклонение от заключения договора с отдельными участниками оборота»⁶⁴. А.Н. Танага выделяет три основных элемента исследуемого принципа: «свобода заключения договора, свобода выбора вида заключаемого договора и свобода определения его содержания»⁶⁵.

Использовать в полном объёме предоставляемые субъектам права и обеспечивать законные интересы в гражданском обороте позволяют гарантированные гражданским законодательством принципы, которые формируют основу как для теоретических исследований, так и для законотворческой и правоприменительной деятельности, среди которых выделим юридическое равенство участников, диспозитивность, добрую волю, защиту нарушенных прав и иные. В сложившейся системе принципов свобода договора занимает значимое место, поскольку только при его практическом применении

⁶⁴ Каранетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы : в 2-х т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М : Статут, 2012. С. 25–26.

⁶⁵ Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 22.

и в тесной связи с другими принципами участники гражданского оборота способны в полной мере достичь положительного экономического результата, успешно конкурировать с другими участниками рынка, обеспечив собственные права и интересы. Отвечая на вопрос о мере и пределах такой свободы, общепринято говорить о возможности ее использования на всех этапах процесса достижения договорённости между сторонами. Соответственно, на любой стадии подготовки, заключения, исполнения, расторжения гражданско-правового договора его участники вправе моделировать свое поведение.

Свобода договора является проявлением идеи юридического равенства, составной частью принципа свободы лица и автономии его воли. Свобода договора признана конституционным принципом в практике Конституционного Суд РФ, а его ограничение допустимо только для обеспечения более значимых конституционных норм и ценностей.

Свобода означает фактическую возможность и вольность совершения любого деяния. Но реакция государства на то или иное поведение будет различна в зависимости от его соответствия или несоответствия правовым предписаниям. Соответственно, фактическая свобода не даёт свободы от действия права. Поэтому никакой свободы не декларируется для делинквента и кондикционного должника, ведь априори не может быть юридической свободы на причинение вреда или на неосновательное обогащение.

Свобода договора необходима прежде всего для удовлетворения имущественных и связанных с ними иных потребностей одних людей за счет удовлетворения потребностей других людей. Здесь возникает основа для экономического обмена одних благ на другие. Как отмечается в литературе, «поскольку потребности людей могут быть чрезвычайно нюансированы, наиболее точное их удовлетворение возможно только при широкой свободе усмотрения условий такого удовлетворения. Лучшее юридическое средство для этого – свобода договора»⁶⁶.

⁶⁶ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации /

Бесспорно, что любая свобода не является абсолютной, а может быть ограничена в законных случаях и пределах (например в пользу более слабой стороны договорных отношений, что ярко проявляется в потребительских соглашениях).

Принципу свободы договора уделяется значительное внимание не только в научной литературе, но и в актах органов судебной власти. Как было отмечено выше, Конституционный Суд РФ наделяет идею свободы договора статусом конституционного принципа. Исходя из содержания решений Конституционного Суда РФ, свобода договора вытекает из признаваемой Конституцией РФ свободы экономической деятельности (ст. 8), а также выраженных в её ст. 34 и 35 прав на свободное использование своих способностей и имущества для не запрещённой законом экономической деятельности и распоряжение своим имуществом. Уже в постановлении Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П было отмечено, что из смысла этих конституционных положений вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина. Аналогичные положения встречаются и в других постановлениях Конституционного Суда РФ (постановления: от 22 ноября 2000 г. № 14-П, от 3 июля 2001 г. № 10-П, от 13 декабря 2001 г. № 16-П, от 1 апреля 2003 г. № 4-П, от 18 июля 2003 г. № 14-П, от 12 ноября 2003 г. № 17-П, от 6 ноября 2013 г. № 23-П, от 27 октября 2015 г. № 28-П, от 15 февраля 2016 г. № 3-П).

Вопросы реализации принципа свободы договора и пределов её ограничения стали предметом разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) в 2014 году⁶⁷.

С одной стороны, арбитражные суды в своей практике значительно расширяют содержание свободы договора, которая приобретает особый смысл и значимость в условиях рыночной экономики.

А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 82.

⁶⁷ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

С другой стороны, судебные органы сформировали новые подходы к ограничениям принципа свободы. Такое ограничение возможно в силу императивных норм законодательства и недопустимости их изменения соглашением сторон либо в случае злоупотребления правом стороной договора. Назовём ряд показательных примеров ограничения свободы договора, исходя из анализа действующих норм ГК РФ.

Например, п. 2 ст. 610 ГК РФ предусматривает возможность отказаться от договора аренды, заключенного на неопределённый срок, предупредив другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества – за три месяца. Однако стороны договора аренды не могут полностью исключить право на отказ от договора, т.к. в результате этого передача имущества во владение и пользование фактически утратила бы временный характер. Надо отметить, что позиция высших судебных органов в отношении отказа от договора аренды (п. 2 ст. 610 ГК) с течением времени на практике лишь укреплялась. Верховный суд также развил эту позицию. Условие о выплате денежной суммы в случае осуществления стороной права на расторжение договора аренды, заключенного на неопределённый срок, будет ничтожным (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда от 22.11.2016 № 54).

Пункт 1 ст. 463 ГК РФ закрепляет право покупателя отказаться от исполнения договора купли-продажи в случае отказа продавца передать проданный товар, но нельзя полностью устранить возможность прекращения договора по инициативе покупателя в случае отказа продавца от передачи проданного товара, поскольку это грубо нарушило бы баланс интересов сторон.

В силу п. 1 ст. 544 ГК РФ оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными приборов учёта энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, однако установление соглашением сторон иного количества энергии, которое оплачивает абонент, допускается, только если невозможно определить фактически принятое количество энергии в соответствии с данными учёта, а закон или иные правовые акты не содержат порядка определения такого количества в отсутствие данных учёта.

Есть в постановлении ВАС РФ № 16 и позиция относительно включения в договор несправедливых условий. В пп. 8 и 9 постановления Пленума ВАС РФ указано, что условия договора, явно обременительные для контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), неприменимы. ВАС указал, что это является частным случаем недобросовестности и влечёт отказ в применении спорного условия либо признание данного условия ничтожным. За время применения данных положений судебная практика пополнилась множеством примеров различных несправедливых договорных условий.

В качестве несправедливого договорного условия суд признал начисление неустойки исходя из общей суммы платежей по договору без учёта фактического исполнения со стороны должника⁶⁸. В другом деле суд указал, что установление неравнозначной неустойки по отношению к одной из сторон договора (неустойка от всей суммы договора против неустойки на сумму просроченного платежа) противоречит принципу добросовестности⁶⁹.

Включение заведомо неисполнимых условий встречается при заключении государственных контрактов. Так, например, исполнитель государственного контракта должен был осуществить строительство образовательного учреждения и провести работы по благоустройству в срок пять месяцев. По результатам проведённой экспертизы судом установлено, что такое условие не соответствует строительным нормативам и правилам, соответственно, выполнение работ в указанный временной промежуток невозможно. Это автоматически влечёт за собой просрочку со стороны исполнителя, что является злоупотреблением правом при определении условий контракта.

Рассмотрим ещё одно решение, связанное с принципом свободы договора и возможностью его ограничения. В договор подряда стороны включили условие о том, что в случае несвоевременной оплаты заказчиком выполненных работ исполнитель не вправе предъявлять

⁶⁸ Постановление АС ЦО от 21.03.2019 по делу № А62-2816/2017.

⁶⁹ Постановление АС Дальневосточного округа от 05.02.2019 по делу № А73-7050/2018.

ему штрафные санкции. С учётом указанного положения договора суды трёх инстанций отказали в удовлетворении требований истца (исполнителя) о взыскании с ответчика (заказчика) процентов за пользование чужими денежными средствами. Верховный Суд РФ судебные акты отменил, указав, что заказчик не может обладать безграничной свободой усмотрения при формулировании им в договоре условия о собственной ответственности. В частности, в договоре подряда не может быть условия о полном освобождении заказчика от ответственности за нарушение им собственных обязательств (в том числе за просрочку оплаты) по его же умышленной вине. Данный вывод основан на запрете на заключение предварительного соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства, установленном в п. 4 ст. 401 ГК РФ⁷⁰.

Аналогичное дело Верховный Суд РФ рассмотрел по спору о банковской гарантии. В договоре стороны установили, что ответственность гаранта за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств по банковской гарантии ограничивается текущим объёмом обязательств по банковской гарантии. Убытки, причинённые бенефициару вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения гарантом своих обязательств по банковской гарантии, возмещению не подлежат. Нижестоящие суды отказали принципалу во взыскании с банка процентов за пользование чужими денежными средствами. Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов. Коллегия указала, что договорные условия не освобождают банк от ответственности за умышленное нарушение собственных обязательств вне зависимости от той суммы, которую он выплатил по банковской гарантии⁷¹.

В заключение можно сделать вывод о том, что для законодателя принцип свободы договора означает, что данная свобода презюмируется. Однако в судебной практике эта презумпция является

⁷⁰ Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2020 по делу № А40231971/2018.

⁷¹ Обзор судебной практики Верховного Суда. 2016. № 4.

опровержимой (*praesumptio iuris tantum*), т.к. предполагаемая свобода считается верной, пока не будет доказано обратное. Но следует учитывать, что для ограничения свободы договора требуются веские правовые аргументы. Приведённый обзор и анализ правоприменительной практики российских судебных органов не устанавливает безоговорочных правил свободы договора. Более того, существует немалое количество судебных актов, где суды занимают противоположную позицию. Однако в целях научного обобщения, а также практикующим юристам нужно взвешенно подходить к оценке допустимых ограничений для правильного определения рисков при договорной работе и формирования единых правовых позиций в судебных спорах.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Философия права. – М : Норма, 1999. – 329 с.
2. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы : в 2-х т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – М : Статут, 2012. – 452 с.
3. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 469 с.
4. Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – 24 с.

Мошкина Маргарита Анатольевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории
и истории государства и права ФГБОУ ВО «УдГУ»,
Барамидзе Светлана Михайловна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории
и истории государства и права ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ СУБЪЕКТОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Договор как правовая конструкция получил углубленную научную проработку в теориях гражданского, международного, трудового, административного права.

По мнению В.А. Черепанова, конституционно-правовой договор – это нормативный правовой акт, закрепляющий свободное и согласованное волеизъявление субъектов федеративных отношений по поводу федеративного устройства государства⁷².

В теории конституционного права термин «договор» используют в следующих значениях.

Во-первых, как «согласие» субъектов на создание и функционирование федерации. Еще Ж.Ж. Руссо под «согласием» рассматривал общественный договор и основу федерации. По его мнению, федерация – это «самоуправляемое договорное государство, в котором распределение и осуществление государственной власти на всех уровнях должно основываться на достижении согласия и самоуправления»⁷³. Одним из основных условий заключения договора является согласие сторон.

⁷² Черепанов В.А. Общественные науки. 2003. № 1. С. 162.

⁷³ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000. С. 18.

Во-вторых, в теории конституционного права термин «договор» используется как правовой акт, юридический документ, в котором закрепляется волеизъявление субъектов федеративных отношений. В российской конституционной практике можно выделить два вида договоров: федеративный и договоры (соглашения) о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти её субъектов⁷⁴.

Федеративный договор от 31 марта 1992 года стал первым документом в России, урегулировавшим разграничение предметов ведения и полномочий между центром и субъектами. Он состоял из трех договоров с:

- республиками;
- краями, областями, городами Москвой и Санкт-Петербургом;
- автономной областью и автономными округами.

В соответствии с договором всем субъектам давалось право быть самостоятельными участниками международных и внешне-экономических отношений. Республикам предоставлялось не менее 50 % мест в одной из палат Верховного Совета. Татарстан и Чечено-Ингушетия данный договор не подписали.

Федеративный договор оказал положительную роль в сохранении единой Российской Федерации. 10 марта 1992 года VI съезд народных депутатов России одобрил Федеративный договор и принял решение включить его как составную часть в Конституцию РСФСР, но сам федеративный договор продолжал существовать как самостоятельный конституционно-правовой акт.

Федеративный договор состоит из преамбулы и IX статей. В преамбуле определены субъекты, подписавшие данный договор, поставлены цели по достижению и укреплению межнационального согласия, доверия и взаимопонимания; приоритет прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности и территории проживания, а также право народов на самоопределение.

⁷⁴ Черепанов В.А. *Общественные науки*. 2003. № 1.

Статья I закрепила предметы ведения федеральных органов государственной власти Российской Федерации. К ним относятся:

а) принятие и изменение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, контроль за их соблюдением;

б) федеративное устройство и территория Российской Федерации;

в) регулирование прав и свобод человека и гражданина, регулирование и защита прав национальных меньшинств; гражданство Российской Федерации;

г) установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных государственных органов;

д) федеральная государственная собственность и управление ею;

е) установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития в Российской Федерации;

и ряд других вопросов.

Статья II предусматривала предметы ведения федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти республик в составе Российской Федерации:

а) обеспечение соответствия конституций и законов республик в составе Российской Федерации Конституции и законам Российской Федерации;

б) защита прав и свобод человека и гражданина; прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон;

в) разграничение государственной собственности;

г) природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры;

д) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта;

е) координация вопросов здравоохранения, защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение.

В III статье говорилось, что республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации; республики являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, соглашений с другими республиками, краями, областями, автономными областями, автономными округами Российской Федерации, если это не противоречит Конституции и законам Российской Федерации.

IV статья предусматривает возможность передачи федеральных полномочий органам государственной власти субъектов и наоборот.

В V статье говорится об обязанности выполнения федеральных законов органами государственной власти субъектов.

О запрещении издания нормативно-правовых актов органами государственной власти Российской Федерации по вопросам ведения республик закрепляет статья VI.

Запрет на одностороннее расторжение договора изложено в статье VII.

Статья VIII устанавливает дату вступления в законную силу. Ей является дата подписания договора – 31 марта 1992 г.⁷⁵.

Федеративный договор вошёл составной частью в Конституцию РФ. Основной закон страны, определяя Россию как федеративное государство, более основательно определил её статус и основы взаимоотношений между Российской Федерацией и её субъектами. Часть 3 статьи 11 Конституции РФ установила, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

⁷⁵ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

В разделе втором «Заключительные и переходные положения» подчёркивается, что в случае несоответствия положений Федеративного договора положениям Конституции Российской Федерации действуют положения Конституции РФ.

После подписания Федеративного договора от 31 марта 1992 г. договорные отношения между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ продолжали развиваться. Всего с 1994 по 1998 год было заключено 42 договора с 46 субъектами Российской Федерации⁷⁶. Им были присущи как общие, так и особенные черты. С.М. Шахрай отмечал следующие общие черты договоров:

– диспозитивность правового регулирования (предполагает свободу договорных условий);

– добровольность заключения (инициатива заключения, как правило, исходит от субъекта Российской Федерации. Федеральные органы государственной власти могут отклонить эту инициативу до приведения конституции (устава) субъекта Российской Федерации в соответствие с Конституцией РФ);

– формально-юридическое равноправие сторон (заключение договора (соглашения) предполагает равенство сторон при соблюдении верховенства Конституции РФ);

– эквивалентный характер договора (направлен на обеспечение интересов как Федерации в целом, так и отдельного её субъекта, являющегося стороной договора);

– взаимная ответственность сторон⁷⁷.

В качестве примера можно привести договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». В соот-

⁷⁶ Следует добавить: в период с 21 декабря 2001 г. по 20 мая 2003 г. было прекращено действие 33 договоров с 34 субъектами РФ, а к концу 2005 г. практически все договоры прекратили действие.

⁷⁷ Шахрай С.М. О Конституции. Основной Закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. С. 342-343.

ветствии с договором республика имела право распоряжаться землёй, ресурсами; самостоятельно формировать органы государственной власти, бюджет, иметь своё гражданство, быть субъектом международных отношений. Срок действия договора не ограничивался⁷⁸.

Анализ договоров о разграничении предметов ведения и полномочий показывает, что одна группа договоров включала полномочия, которые противоречили Конституции РФ, нарушали принцип равноправия субъектов РФ; а другая группа договоров носила декларативный характер, дублировала нормы федеральных законов и др.

В период подготовки и подписания договоров законодательно не было установлено определения понятий «предмет ведения», «предмет ведения Российской Федерации», «предмет ведения субъектов Российской Федерации», «компетенция» и «полномочия». Только 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ был принят Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»⁷⁹. Данный закон не только определяет данные понятия, но и закрепляет принципы, на основании которых должны быть заключены договоры. К ним относятся: конституционность, верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов: принцип равноправия субъектов Российской Федерации при разграничении предметов ведения и полномочий, принцип недопустимости ущемления прав и интересов субъектов Российской Федерации и другие. Однако Федеральный закон не выработал четкий механизм разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и её субъектами.

Особая роль в регулировании федеративных отношений принадлежала Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов в Российской

⁷⁸ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

⁷⁹ СПС «Кодекс» (закон недействующий) (дата обращения: 15.03.2024).

Федерации»⁸⁰. В Федеральном законе более точно была определена роль договоров, порядок заключения. Договор стал иметь силу специального федерального закона.

В настоящее время договорные отношения между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов конкретизируются в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁸¹. Принципы и порядок заключения договоров определены в данном законе. В договоре о разграничении полномочий устанавливается перечень полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъекта Российской Федерации, разграничение которых производится иначе, чем это установлено федеральными законами и законами субъекта РФ, определяются условия и порядок осуществления этих полномочий, конкретные права и обязанности сторон, срок действия договора о разграничении полномочий и порядок продления данного срока, а также основания и порядок досрочного расторжения договора о разграничении полномочий.

Президент Российской Федерации в течение десяти дней после подписания договора о разграничении полномочий вносит в Государственную Думу проект федерального закона об утверждении договора о разграничении полномочий.

Договор о разграничении полномочий вступает в силу со дня вступления в силу федерального закона об утверждении договора о разграничении полномочий, если указанным федеральным законом не установлено иное. Договор о разграничении полномочий имеет силу федерального закона и может быть изменён, его действие может быть приостановлено только путём внесения в него изменений и (или) дополнений в порядке, установленном настоя-

⁸⁰ СПС «КонсультантПлюс».

⁸¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

щим Федеральным законом для заключения и вступления в силу договора о разграничении полномочий.

Срок действия договора о разграничении полномочий не может превышать десять лет.

Таким образом, подчёркнуто, что договор о разграничении полномочий имеет силу федерального закона.

Л.А. Тихомирова в становлении и развитии договорных отношений в России выделила 4 этапа: 1 этап (1993 г.) – конституционное закрепление договора как одной из правовых форм разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и её субъектов (ч. 3 ст. 11 Конституции РФ); 2 этап (1994–1998 гг.) – заключение и реализация договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов; 3 этап (1997–2007) – «формирование законодательной базы для регулирования отношений федерации и её субъектов в части разграничения предметов ведения и полномочий, послужившей основанием для прекращения действия ранее принятых договоров»; 4 этап (с 2007 г. по настоящее время – конституционные и законодательные основы реализации разграничения предметов ведения и полномочий⁸². По нашему мнению, автор правильно определил развитие договорных отношений между Российской Федерацией и её субъектами, но первым этапом в договорном процессе между федеральным центром и субъектами Российской Федерации следует считать подписание Федеративного договора от 31 марта 1992 года.

Следует сказать, что среди учёных-конституционалистов разное отношение к институту договорного регулирования отношений между Российской Федерацией и её субъектами. Сторонники договорной практики отмечают, что договоры о разграничении предметов ведения и полномочий играют положительную роль, являются

⁸² Тихомирова Л.А. Договорный порядок регулирования отношений Российской Федерации и её субъектов по предметам ведения и полномочиям // Законодательство. 2011. № 5. С. 62-65.

эффективным средством укрепления суверенитета России, взаимоотношений между федеральным центром и субъектами РФ.

Противники считают, что договорное регулирование выполнило свою роль, в современный период потеряло актуальность и значение.

Как представляется, в современный период полностью отрицать договорные отношения между Российской Федерацией и её субъектами не следует. В части 3 ст. 11 Конституции РФ договоры указываются как форма разграничения предметов ведения и полномочий. Кроме того, в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ отмечается, что заключение договоров о разграничении полномочий допускается только в случае, если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта Российской Федерации, и в той мере, в которой указанными особенностями определено иное, чем это установлено федеральными законами, разграничение полномочий.

Библиографический список

1. Черепанов В.А. Общественные науки. – 2003. – № 1. – С. 162.
2. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М., 2000. – С. 18.
3. Шахрай С.М. О Конституции. Основной Закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. – М., 2013. – С. 342–343.
4. Тихомирова Л.А. Договорный порядок регулирования отношений Российской Федерации и её субъектов по предметам ведения и полномочиям // Законодательство. – 2011. – № 5. – С. 62–65.

*Носенко Андрей Юрьевич,
аспирант Юридического факультета
ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Заключение договора является важным компонентом предпринимательской деятельности. Основой для развития предпринимательства является свобода договора, которая обеспечивает гибкость и адаптивность гражданского права к различным экономическим и социальным условиям. Поэтому свобода договора играет важную роль в гражданских отношениях, обеспечивая индивидуальную свободу выбора и самореализации, а также развитие экономической деятельности и защиту прав участников договора.

Статья 421 Гражданского кодекса РФ⁸³ регламентирует «свободу договора». В то же время одним из общих принципов гражданского законодательства является ограничение свободы договора как ограничение конституционных прав и свобод в области экономической деятельности. Вопрос о пределах и ограничениях свободы договора может быть рассмотрен с двух различных точек зрения.

«С одной стороны, необходимо признать, что свобода заключения договоров не является неограниченной. Существует объективное ограничение для защиты общественных интересов, интересов более слабой стороны в договоре и интересов кредиторов.

С другой стороны, практика показала, что суды зачастую формально применяют нормы закона об обязательствах, тем самым необоснованно ущемляя свободу договора. Кроме того, признается и такой принцип (официально не провозглашённый ГК РФ, но имплицитно содержащийся во многих нормах), как принцип устойчивости

⁸³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

в гражданско-правовых отношениях (или конкретный вариант этого принципа – устойчивость гражданско-правового договора)»⁸⁴.

При этом заключение договора без предварительной договорной стадии и переговоров возможно только при заключении простых бытовых сделок. При согласовании существенных условий договора переговоры являются важным элементом договорной деятельности. Следовательно, недобросовестное поведение одной из сторон может привести к несправедливым или недостаточно выгодным условиям для другой стороны. В таких случаях сторона, считающая себя пострадавшей, может привлечь другую сторону к ответственности за свои действия. Недобросовестные переговоры могут включать в себя такие действия, как сокрытие информации, обман, которые могут повлиять на исход переговоров. Такое поведение может быть незаконным или морально неприемлемым и вести к юридическим последствиям. Однако, несмотря на то что переговоры могут проходить без этапов и эксцессов, недобросовестные переговоры могут оказаться важным шагом в переговорном процессе, если одна из сторон нечестно ведёт себя в ходе переговоров. В таких случаях указанная сторона может быть привлечена к ответственности с целью защиты интересов пострадавшей стороны. Поэтому данный вопрос необходимо исследовать.

Федеральный закон № 42-ФЗ от 8 марта 2015 г. внёс в Гражданский кодекс РФ ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора»⁸⁵, в которой отмечалось эффективное нормативное закрепление института преддоговорной ответственности в гражданском законодательстве нашей страны. Однако из-за того, что этот институт преддоговорных отношений был введен в 2015 г., можно говорить, что он в настоящее время находится в стадии становления, а преддоговорная ответственность за недобросовестные переговоры

⁸⁴ *Балашова А.И.* Проблемы применения преддоговорной ответственности // Интернет-конференция Сибирского юридического института. URL: <http://conf.omua.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).

⁸⁵ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1412.

по договору является концепцией относительной новизны, которая образовалась из прецедентов, возникших в ходе переговоров, связанных с нарушениями правил. Это связано с тем, что стороны могут преследовать свои собственные интересы и стремиться получить максимальные выгоды за счёт других участников. Это может привести к сложностям и затяжным переговорам, а также к недостаточному учёту интересов всех сторон и недостижению справедливого соглашения. Однако, несмотря на возможные сложности, многосторонние договоры могут иметь ряд преимуществ. Во-первых, они позволяют всем участникам внести свои интересы и влиять на окончательное соглашение. Во-вторых, многосторонние договоры могут представлять собой сильную правовую основу, которая обеспечивает стабильность и предсказуемость в отношениях между государствами или организациями.

Для успешных переговоров по многостороннему договору необходимы профессиональная подготовка и умение находить компромиссы между различными интересами⁸⁶. Отсутствие договорных обязательств приводит к разногласиям, спорам и, следовательно, к причинам появления признаков недобросовестности, поскольку отсутствуют договорные обязательства.

Переговоры, в свою очередь, являются юридическим фактом и представляют собой определённый процесс, в рамках которого стороны ведут обсуждения и приходят к соглашению. Переговоры должны быть добровольными и проводиться на основе равноправия сторон. Статья 434.1 ГК РФ регулирует возникновение и осуществление договорных обязательств на основе переговоров. Согласно данной статье договорные обязательства могут возникнуть, если стороны достигли соглашения по существенным условиям договора путём переговоров, т.е. законодатель вообще исключает возможность ответственности за неисполнение договора, что полностью

⁸⁶ *Шахбазян Д.С.* Понятие и основания преддоговорной ответственности за недобросовестное ведение переговоров о заключении договора // Молодой ученый. URL: <https://moluch.ru/archive/304/68425/> (дата обращения: 17.12.2023).

соответствует принципу свободы договора⁸⁷. Пункт 2 данной статьи предусматривает, что законодательный орган устанавливает особое ограничение для соблюдения добросовестности участниками переговоров. Если участники переговоров не действуют добросовестно, то применяются правила преддоговорной ответственности, установленные п. 3 ст. 434.1 ГК РФ. В данном случае если категория убытков, причинённых другой стороне, не определена в УНИДРУА, то недобросовестная сторона обязана возместить расходы, понесённые другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также связанные с потерей возможности заключить договор с третьей стороной. Это означает, что будет произведена компенсация так называемых «отрицательных» убытков, т.е. понесённых расходов. Представляется, что убытки на преддоговорной стадии могут подлежать возмещению в случае *culpa in contrahendo* (виновные действия при заключении договора). Такая ответственность относится к деликтной ответственности и направлена на восстановление ситуации, существовавшей до правонарушения. Однако важно отметить, что не всё так просто. В комментарии к соответствующей статье гражданского кодекса указано, что «общие правила определения убытков в соответствии со статьями 328 и 393 Гражданского кодекса РФ» не могут быть применимы к данной ситуации⁸⁸.

Существует множество ситуаций, где можно наблюдать недобросовестное поведение на этапе переговоров. Например, сторона может внести в условия сделки дефект, который будет влиять на её действительность, но этот факт станет очевидным только после завершения сделки, т.е. после окончания переговоров. Поэтому поведение сторон весьма важно во время всего предварительного соглашения.

Основная же сложность, связанная с выполнением требования о добросовестных переговорах, заключается в том, что добросовестность является субъективным понятием и не имеет ясного, заранее определённого содержания. Даже если стороны решат указать в пере-

⁸⁷ Ответственность за недобросовестный выход из переговоров // Закон.ру. URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 13.12.2023).

⁸⁸ Комарицкий В.С., Реализация принципа свободы договора в регулировании преддоговорной ответственности // Юрист. 2015. № 5. С. 20.

говорном соглашении, какое поведение считается добросовестным, они не могут игнорировать стандартную интерпретацию этого понятия.

В соответствии с п. 2 ст. 434.1 ГК РФ добросовестные действия в ходе переговоров предполагают, в частности, «не допускать вступления в переговоры о заключении договора или его продолжении при отсутствии намерения прийти к соглашению с другой стороной»⁸⁹.

При этом во время переговоров допускаются недобросовестные действия:

1) предоставление неполной или ненадёжной информации одной стороне, включая упущение обстоятельств, которые из-за характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение договорных переговоров при обстоятельствах, когда другая сторона переговоров не могла разумно ожидать⁹⁰.

Привлечение к ответственности физических лиц за недобросовестные переговоры объясняется тем, что, хотя стороны преддоговорных отношений имеют горизонтальные связи, каждый участник является автономным хозяйствующим субъектом в области производства и торговли. В этой сфере все участники обязаны соблюдать принципы открытости и добросовестности, чтобы обеспечить строгое соблюдение гражданских правоотношений. Только «правильное толкование оснований привлечения лиц к ответственности за недобросовестные переговоры может способствовать развитию свободной экономики без принуждения и диктата правил, не допускаемых действующим законодательством».

Следовательно, ключевым фактором ответственности в этом случае является то, что контрагент предоставил потерпевшей стороне неполную или ненадёжную информацию, которая из-за харак-

⁸⁹ ВС РФ разъяснил правила ведения переговоров о заключении договора // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/news/1327062/> (дата обращения: 17.12.2023).

⁹⁰ *Мазур А.В., Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Ответственность за недобросовестные переговоры как ограничение свободы договора (на примере положений 434-1 ГК РФ): сб. ст. Сер. «Анализ современного права»; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. М., 2016. С. 386.

тера договора должна была быть доведена до сведения последней, т.е. имеет место недобросовестность будущей стороны по договору. Хозяйствующие субъекты Российской Федерации ещё активно не использовали возможность судебного возмещения убытков в связи с недобросовестными переговорами контрагентов, и в этой категории судебных разбирательств пока не выявлено большого количества судебной практики.

Таким образом, ответственность за недобросовестные переговоры можно считать одним из видов преддоговорной ответственности. Основным последствием несправедливого выхода из переговоров является причинение убытков. Отсутствие чёткой судебной практики и единой позиции судов по этому вопросу создаёт дополнительные проблемы. Это, безусловно, связано с кратковременностью действия ст. 434.1 ГК РФ. Поэтому лучшим решением для защиты сторон будет согласование процедуры переговоров. Соответственно, вопрос о преддоговорной ответственности требует дальнейшего совершенствования в ходе судебной практики.

Библиографический список

1. Балашова А.И. Проблемы применения преддоговорной ответственности [Электрон. ресурс] // Интернет-конференции Сибирского юридического института. – URL: <http://conf.omua.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).

2. Комарицкий В.С., Реализация принципа свободы договора в регулировании преддоговорной ответственности // Юрист. – 2015. – № 5. – С. 18–22.

3. Мазур А.В., Сергеев А.П., Терешенко Т.А. Ответственность за недобросовестные переговоры как ограничение свободы договора (на примере положений 434-1 ГК РФ): сб. ст. Сер. «Анализ современного права»; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – М., 2016. – 598 с.

4. Шахбазян Д.С. Понятие и основания преддоговорной ответственности за недобросовестное ведение переговоров о заключении договора [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – URL: <https://moluch.ru/archive/304/68425/> (дата обращения: 17.12.2023).

Орлова Надежда Игоревна,

соискатель кафедры гражданского права

Института права, социального управления и безопасности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ЛИЦЕНЗИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Принцип свободы договора – это один из основных принципов гражданского законодательства. Норма о свободе договора, которую устанавливает ст. 421 ГК РФ⁹¹, закрепляет, что стороны свободны в заключении договора, имея в виду свободу участников гражданских правоотношений как в части самой возможности его заключения, так и в части определения его условий. Вместе с этим она дополняется иными нормами. Так, для лицензионного договора действует правило о том, что он должен содержать способы использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (п. 6 ст. 1235 ГК РФ). Таким образом, при заключении лицензионного договора перед сторонами стоит вопрос определения тех конкретных способов использования, которые потребуются лицензиату.

В юридической литературе вопрос свободы договора в лицензионном соглашении рассматривался ранее под другим углом. Так, Р.Ш. Рахматулина в своей статье⁹² обращала внимание на иные ограничения – через механизм принудительной лицензии, реализацию права преждепользования и параллельный импорт. В настоящей статье рассматривается вопрос о реализации принципа свободы договора и его ограничении при определении способов использования объектов интеллектуальных прав в лицензионном договоре.

⁹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. № 289.

⁹² *Рахматулина Р.Ш.* Свобода договора и ее ограничения в лицензионных соглашениях с участием предпринимателей // Юрист. 2016. № 15. С. 19-22.

Представляется, что составить в отношении каждого результата интеллектуальной деятельности полный перечень всех возможных действий – это невыполнимая задача, поскольку деятельность человека многогранна, и любое описание не сможет охватить полностью все подобные действия. Можно также отметить, что для иностранных юрисдикций характерен и иной способ формирования ограничений в лицензионном договоре – стороны устанавливают запрет на совершение конкретного перечня действий в договоре, а в остальном действия стороны – лицензиата – не ограничиваются.

Сами способы использования можно разделить на две категории: предусмотренные и не предусмотренные законодательством, но при этом фактически существующие. Ко второй категории могут быть отнесены, например, субтитрование и дублирование текста аудиовизуального произведения, ранее предусмотренные ст. 13 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»⁹³; распространение программы для ЭВМ или базы данных, под которым ранее понималось предоставление доступа к воспроизведенной в любой материальной форме программе для ЭВМ или базе данных, в том числе сетевыми и иными способами, а также путём продажи, проката, сдачи внаем, предоставления займа, включая импорт для любой из этих целей (ст. 1)⁹⁴; действия в отношении экземпляра программы для ЭВМ и базы данных, описанные в ст. 1280 ГК РФ; включение произведения в состав сложного объекта⁹⁵, а также любые иные способы использования, о которых стороны договариваются.

⁹³ Об авторском праве и смежных правах : Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 (ред. от 20.07.2004). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

⁹⁴ О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных : Закон РФ от 23.09.1992 № 3523-1. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

⁹⁵ «Включение произведения в состав сложного объекта (телепередачи) при его создании предшествует последующему сообщению в эфир этой телепередачи, указанные этапы являются последовательными по отношению друг к другу и представляют собой самостоятельные способы использования результатов интеллектуальной деятельности» : определение ВС РФ от 27.12.2022 дело 5-ГК22-117-К2. URL: <https://apkrfkod.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

Законодательное описание способов использования для различных объектов интеллектуальной собственности весьма отличается (например, для произведений специальный перечень способов использования перечислен в ст. 1270 ГК РФ, для исполнений – в ст. 1315 ГК РФ, для фонограмм – в ст. 1324 ГК РФ и т.д.). Стороны, выбирая способы использования, ограничены ещё одной, главной, нормой, которая сформулирована жестко и однозначно – право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, прямо не указанное в лицензионном договоре, не считается предоставленным лицензиату (ст. 1235 ГК РФ).

Кроме того, для лицензионного договора законодательство устанавливает также отдельный случай, когда ограничение использования результата интеллектуальной деятельности не допускается по конкретным способам использования. В частности, в ст. 1240 ГК РФ указаны следующие положения:

- лицензионный договор, предусматривающий использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, заключается на весь срок и в отношении всей территории действия соответствующего исключительного права, если договором не предусмотрено иное;

- условия лицензионного договора, ограничивающие использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, недействительны.

Следовательно, в случае со сложным объектом, под которым понимается законченный перечень результатов интеллектуальной деятельности (кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных)⁹⁶, законодатель ограничил лицо, организовавшее создание сложного объекта, и обладателей исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности, включаемые в состав сложного объекта, в тех условиях, которые могут быть изменены ими при заключении лицензионного договора:

⁹⁶ Пункт 1 ст. 1240 ГК РФ. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

срок и территория действия соответствующего исключительного права. Так, эти положения разъяснены в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 апреля 2019 г. № 10⁹⁷.

В судебной практике имел место случай, когда стороны не указали ни одного способа использования, предусмотренного законодательством, и суд по интеллектуальным правам (далее СИП – авт.) пришел к выводу о том, что такой договор не содержит существенных условий лицензионного договора⁹⁸.

Суть этой позиции основывается на положениях подп. 2 п. 6 ст. 1235 ГК РФ, согласно которой лицензионный договор должен предусматривать способы использования результата интеллектуальной деятельности (в том числе полезной модели), перечень которых установлен подп. 1 п. 2 ст. 1358 того же кодекса. В рассматриваемом примере суд высказал следующее:

«Между тем спорный лицензионный договор не содержит прямого указания ни на один из установленных законом способов использования полезной модели. Ссылка истца на пункт 2.2. лицензионного договора, устанавливающий, что использование патента Лицензиатом осуществляется путем организации проведения комплекса работ по очистке и обеззараживанию питьевой воды у Пользователя, не может быть признана обоснованной, поскольку указанный патент не защищает способ очистки и обеззараживания питьевой воды, а выдан для защиты технического решения в виде устройства». В итоге СИП пришёл к выводу о том, что, «учитывая отсутствие в лицензионном договоре определённости по вопросу о способах использования полезной модели и принимая во внимание положение пункта 1 статьи 1235 Гражданского кодекса Российской

⁹⁷ «Ничтожны условия лицензионного договора, ограничивающие использование теми или иными способами результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта и таким образом создающие препятствия для использования сложного объекта в целом» (п. 2 ст. 1240 ГК РФ). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

⁹⁸ Постановление СИП от 26 сентября 2014 г. по делу А60-42273-2013. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

ской Федерации, в соответствии с которым право использования, прямо не указанное в лицензионном договоре, не считается предоставленным лицензиату, пункт 6.1. лицензионного договора, устанавливающий основания уплаты и размер лицензионных платежей, не может толковаться расширительно, в том числе как предоставляющий возможность лицензиару взыскивать платежи не только за изготовление лицензиатом установок, но и за ввод в эксплуатацию приобретённых у лицензиара по отдельным договорам установок». В этом случае СИП предпочёл акцентировать свое внимание на том, что перечень способов использования должен быть максимально конкретным, чётким и исчерпывающим.

Нам видится возможным, что российский законодатель вправе дополнить механизм регулирования лицензионных правоотношений таким вариантом, при котором стороны будут формулировать предоставление полномочий по умолчанию, с перечнем запретов, а не дозволений. В этом случае участники правоотношений не должны будут прямо перечислять все способы использования не только для сложных объектов, указывая, например, ограничение лишь по территории и сроку, на который предоставляется право использования. Возможен также отдельный вид лицензии – лицензия в полном объёме, в части способов использования (полная лицензия), которая означала бы право лицензиата использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности любым способом использования, как предусмотренным законодательством, так и любым другим, в том числе возникшим уже и после заключения лицензионного договора. Кроме того, было бы допустимо ограничить полную лицензию запретом на определённые способы использования. В такой ситуации выбор у сторон лицензионного договора был бы шире. Если разрешённых действий немного и они известны (например, часть способов использования указана в законе), их проще прямо перечислить в договоре, а для случая, когда перечень действий полностью не может быть описан, действовала бы полная лицензия или полная лицензия с ограничениями (если известно, что совершенно точно не разрешается лицензиату).

Осипова Анастасия Юрьевна,
аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

ЗАЩИТА СЛАБОЙ СТОРОНЫ ДОГОВОРА ОТ НЕСПРАВЕДЛИВЫХ УСЛОВИЙ СОГЛАШЕНИЯ

В современных условиях участники договорных правоотношений как граждане, так и юридические лица в большей степени, чем ранее, находятся в зависимости от внешних экономических факторов, таких как вводимые экономические санкции, изменения курсов валют, банковских ставок и прочее. В таких стремительно изменяющихся условиях стороны правоотношений стараются не упустить возможность выгодного заключения сделки, что зачастую приводит к нарушению прав стороны, являющейся потребителем: будь то юридическое лицо, покупающее товары или услуги, либо физическое лицо. Именно эта сторона договора является наиболее уязвимой или слабой при заключении договора.

С началом введения санкций в отношении РФ в 2022 г. создались условия для возможных злоупотреблений со стороны продавцов товаров. И на сегодняшний день это находит отражение в судебной практике. Суды разрешают споры, связанные, например, с куплей-продажей товаров иностранного производства, и всё чаще обнаруживают нарушение принципа свободы договора.

Свобода договора рассматривается Гражданским кодексом РФ⁹⁹ в составе основных начал гражданского законодательства, закреплена в ст. 1 и 421 ГК РФ и признаётся основополагающей идеей всего гражданского права.

В 2014 г. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ принял постановление № 16 от 14 марта 2014 г. «О свободе договора и её пределах» (далее – постановление Пленума № 16), в котором дал раз-

⁹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

яснения о соблюдении свободы договора в связи с возникающими в судебной практике вопросами и в целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, вытекающих из договоров¹⁰⁰.

В пункте 9 постановления Пленума № 16 особо обращено внимание правоприменителей на то, что при рассмотрении споров, возникающих из договоров, включая те, исполнение которых связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, следует принимать во внимание обстоятельства заключения контракта. И если будет установлено, что проект соглашения был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для её контрагента, существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому соглашению положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента.

В то же время, поскольку согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения, слабая сторона договора вправе заявить о недопустимости применения несправедливых условий на основании ст. 10 ГК РФ или о ничтожности таких условий по ст. 169 ГК РФ.

Таким образом, ранее правоприменитель уже делал акцент на необходимость защиты слабой стороны договора. Судебная практика показывает, что именно при разрешении споров с участием субъектов предпринимательской деятельности применение принципа свободы договора в контексте защиты прав слабой стороны судами не используется в должной мере. В.В. Витрянский критически относится к постановлению Пленума № 16, считая, что оно не внесло

¹⁰⁰ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

никакой ясности в применение принципа свободы договора, а наоборот внесло неопределённость в правовое регулирование и в судебную практику, позволяя судам совершенно по-разному применять нормы права регулирующие договорные правоотношения¹⁰¹.

Актуальность этого вопроса не может подвергаться сомнению. Так, Арбитражный суд г. Москвы рассмотрел дело № А40-59977/2023 по иску юридического лица об изменении договора финансовой аренды¹⁰². Поводом к обращению в суд послужило недобросовестное поведение лизинговой компании, выразившееся в понуждении к подписанию нового графика платежей по договору лизинга, платежи по которому существенно увеличились по сравнению с уже подписанным графиком. Обоснованием к увеличению платежей ответчик указал изменение экономической обстановки в стране. Истец, не имея возможности возразить, был вынужден подписать новое соглашение, чтобы получить свой товар. Изучая доводы сторон и удовлетворяя исковые требования, суд указал, что изменение финансового положения в стране в целом не является ни обстоятельством непреодолимой силы, ни непредсказуемым или непредвиденным риском, как и неоднократно отмечали суды, доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжёлого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия финансирования, неисполнения обязательств контрагентами, добровольного погашения долга полностью или в части на день рассмотрения спора, выполнения ответчиком социально значимых функций, наличия у должника обязанности по уплате процентов за пользование

¹⁰¹ *Витрянский В.В.* О свободе договора: мнение «ветеранов» YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5u7Mm0zKOCg> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁰² Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-59977/2023 // Арбитражный суд города Москвы. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.12.2023).

денежными средствами сами по себе не могут служить основанием для освобождения от ответственности, в том числе за добросовестное исполнение обязательств по договору. Обоснованием решения суда стали пп. 9 и 11 постановления Пленума № 16, которым разъяснено, что при разрешении споров, возникающих из договоров, в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон с учётом цели договора, в том числе исходя из текста договора, предшествующих заключению договора переговоров, переписки сторон, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, обычаев, а также последующего поведения сторон договора (ст. 431 ГК РФ), толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.). При этом суд привёл и определение Верховного Суда РФ по делу № 305-ЭС21-28851 от 19.05.2022¹⁰³, в котором указано, что пределы свободы договора определяются, в частности, требованием добросовестности, соблюдение которого позволяет отграничить свободу от произвола. В том случае, когда конкретное условие становится частью договора не в результате реализации принципа автономии воли каждой из сторон, а в результате подчинения воли одной стороны другой, обязанностью суда является защита слабой стороны договора от злоупотреблений, допущенных в её отношении сильной стороной¹⁰⁴.

¹⁰³ Определение Верховного Суда РФ по делу № 305-ЭС21-28851 от 19.05.2022 // Верховный Суд РФ. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁰⁴ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

Приведённый судебный спор обращает на себя внимание ещё тем, что спорящими сторонами являются субъекты предпринимательской деятельности, правовое регулирование правоотношений которых исходит из принципа существования предпринимательского риска. Положения ст. 2 ГК РФ устанавливают, что предпринимательская деятельность осуществляется субъектом на свой риск, и он несёт последствия совершения или не совершения им отдельных действий в рамках предоставленных ему гражданских прав. Указанная норма права, при рассмотрении споров между юридическими лицами, нивелирует последствия совершения сделок на невыгодных условиях, что осложняет защиту прав слабой стороны соглашения.

В настоящее время Верховный Суд РФ фактически разрешил не применять несправедливые условия, включенные в стандартные формы договоров, указав в определении № 305-ЭС23-8962 от 18.10.2023 по делу А40-33927/2022, что принцип свободы договора, закреплённый в ст. 421 ГК РФ, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора. Сторона соглашения в случае существенного нарушения баланса интересов сторон также вправе на основании ст. 10 ГК РФ заявить о недопустимости применения договорных условий, являющихся явно обременительными (несправедливые договорные условия), если эта сторона была поставлена в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий соглашения, проект которого был предложен другой стороной, то есть оказалась слабой стороной договора. В ситуации когда участник договора не имеет возможности активно и беспрепятственно участвовать в согласовании его условий на стадии заключения, и к заключению предложена стандартная форма договора; проект договора разработан лицом, профессионально осуществляющим деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний; договор заключается с лицом, занимающим доминирующее положение на рынке или имеет место иная экономическая зависимость стороны, суд не вправе отклонить возраже-

ния такой стороны относительно применения спорного условия договора только по той причине, что при заключении договора в отношении этого условия не были высказаны возражения. Даже при формальном наличии права заявить возражение о включении спорного условия в договор в момент его заключения, слабая сторона зачастую не имеет финансовых и организационных возможностей оценить обременительность договорных условий на случай наступления тех или иных обстоятельств при исполнении договора, а издержки, связанные с потерей времени и финансовых ресурсов, которые должна понести эта сторона для урегулирования разногласий, окажутся несоразмерными предпринятым усилиям. Использование названных обстоятельств стороной, находящейся в более сильной переговорной позиции, не соответствует принципу добросовестности. Таким образом, если спорное условие договора грубо нарушает баланс интересов сторон, и его применение приводит к возникновению неблагоприятных последствий для слабой стороны договора, а сторона, в интересах которой установлено спорное условие договора, не обосновала его разумность, суд, в соответствии с п. 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК РФ, в целях защиты прав слабой стороны разрешает спор без учёта данного договорного условия, применяя соответствующие нормы законодательства. Такой подход был выражен и в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 № 305-ЭС23-12470, от 29.06.2023 № 307-ЭС23-5453, от 27.12.2021 № 305-ЭС21-17954 и др.¹⁰⁵.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что реализация защиты слабой стороны очевидно возможна только в судебном порядке. Иных способов защиты у стороны, права которой нарушены таким образом, не имеется. Тем более важно и актуально правильное и единообразное применение судами основного принципа, закреплённого ст. 421 ГК РФ, при разрешении соответствующих споров.

¹⁰⁵ Определение Верховного Суда РФ по делу № 305-ЭС23-8962 от 18.10.2023 // Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2298770 (дата обращения: 19.12.2023).

Таким образом, выявлена необходимость разработки единого образного подхода в применении основополагающего принципа гражданского права о свободе договора в сочетании с добросовестным и разумным поведением участников договорного правоотношения.

Библиографический список

1. Витрянский В.В. О свободе договора: мнение «ветеранов» YouTube [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5u7Mm0zKOCg> (дата обращения: 19.12.2023).

Пьянкова Анастасия Федоровна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь*

НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА: НОВЕЙШАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВАС РФ «О СВОБОДЕ ДОГОВОРА И ЕЁ ПРЕДЕЛАХ»

Понимание необходимости ограничения свободы договора из-за фактического неравенства сторон развивается в рамках различных доктрин: защита слабой стороны договора, неравенство переговорных возможностей, несправедливые условия договора и т.д.

Такой подход начал складываться на Западе уже в прошлом веке. Так, в ФРГ ещё в 1976 году был принят закон об общих условиях сделок. Позднее его текст был интродуцирован в Германское гражданское уложение¹⁰⁶.

А.В. Кузьмина полагает, что доктрина защиты слабой стороны своими корнями восходит к трудам Реймона Салейя¹⁰⁷. Почти случайно использованный им термин «договор присоединения» прижился в юридической доктрине, но во французском законодательстве он появился лишь в 2011 году, а вот в американском страховом праве впервые упомянуты в 1919 году¹⁰⁸.

В России с принятием Гражданского кодекса РФ и появлением института договора присоединения, доктрины защиты слабой

¹⁰⁶ Подробнее об истории правового регулирования общих условий сделок в Германии см.: *Жужжалов М. Б., Попова П. И.* Основные исторические наслоения в положениях о стандартных договорных условиях Германии // *Правоведение.* 2022. Т. 66, № 4. С. 424.

¹⁰⁷ Подробнее см.: *Кузьмина А. В.* Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2019. Вып. 46. С. 703.

¹⁰⁸ Там же. С. 704, 705.

стороны договора и несправедливых договорных условий не сложились. Статья 428 ГК РФ, посвящённая договору присоединения, не пользовалась популярностью у российских судей. Тем более что в прежней редакции она была неприменима в коммерческих отношениях.

Однако в 2000-х годах практика защиты предпринимателей от несправедливых договорных условий начала формироваться Высшим Арбитражным Судом РФ. Так, Высший Арбитражный Суд РФ признал, что, если проект кредитного договора разработан банком и содержал в себе условия, существенным образом нарушающие баланс интересов сторон, индивидуальный предприниматель – заёмщик по договору – вправе, несмотря на прямой запрет закона, сослаться на положения ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения¹⁰⁹. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу с 01.06.2015, исключил п. 3 ст. 428 ГК РФ, блокировавший её применение в предпринимательских отношениях. Кроме того, на уровне закона впервые был использован академический термин «неравенство переговорных возможностей»¹¹⁰.

Вместе с тем ст. 428 ГК РФ по-прежнему не является самым популярным правовым механизмом для отстаивания интересов слабой стороны договора. После появления постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» (далее – Постановление о свободе договора)¹¹¹ и суды, и участники оборота стали более активно пользоваться правовыми механизмами, предложенными ВАС РФ.

¹⁰⁹ См. пункт 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

¹¹⁰ Подробнее об изменениях, внесённых в ст. 428 ГК РФ, см.: *Пьянкова А.Ф.* Способы защиты прав слабой стороны по договору присоединения // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сб. ст. / Московский гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА) ; рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2017. – С. 57-80.

¹¹¹ Вестник ВАС РФ. 2014. № 5. С. 85–91.

По мнению ВАС РФ (п. 9 Постановления о свободе договора), *несправедливыми являются условия*, являющиеся явно обременительными для её контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон, если при этом контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (т.е. оказался слабой стороной договора). ВАС РФ в очередной раз подчеркнул, что эти положения применяются и в отношении контрагентов-предпринимателей. Сейчас уже в этом вроде бы не сомневается никто. Но 10 лет назад было иначе.

Пленум ВАС РФ сформулировал такие способы защиты прав слабой стороны договора:

- изменить или расторгнуть договор на основании ст. 428 ГК РФ;
- заявить о недопустимости применения несправедливых договорных условий на основании ст. 10 ГК РФ;
- заявить о ничтожности таких условий по ст. 169 ГК РФ.

По прошествии без малого 10 лет с момента принятия Постановления о свободе договора, а также по забвении самого органа, его принявшего, рассмотрим, как сформулированные им правовые положения применяются судами.

Анализ практики позволяет говорить о том, что положения о несправедливых условиях договора используются судами весьма активно в первую очередь при разрешении споров, вытекающих из договоров лизинга. Кроме того, суды вполне охотно применяют их и в делах об исполнении государственных контрактов (ранее бытовало мнение, что у государственных контрактов особый способ заключения, и потому они не могут рассматриваться как договоры присоединения). Анализ позволил выделить несколько наиболее частых случаев применения положений о несправедливых условиях договора.

Несправедливые условия об ответственности сторон за нарушение договора

Так, анализируя условие о неустойке, Верховный Суд РФ сделал такой вывод: «...предусмотренный договором (пункт 6.2 Общих условий) размер неустойки за нарушение обязанности по возврату предмета лизинга (1 процент в день от стоимости имущества)

при перерасчете на годовую ставку составляет 365 процентов годовых, что с очевидностью превышает разумный уровень выгод (потерь), которые могли быть извлечены должником (понесены кредитором), и не согласуется с собственной оценкой справедливой стоимости пользования финансированием, данной лизингодателем при заключении договора (13,30 процентов годовых)... Применение указанного порядка определения размера неустойки привело к тому, что за просрочку в возврате предмета лизинга, составившую от 24 до 39 дней, лизингодатель должен уплатить... » порядка 30 % от стоимости имущества¹¹². При этом суд принял во внимание, что данный пункт предусмотрен в Общих условиях договора лизинга, в отношении которых предполагается, что лизингополучатель имеет только возможность присоединиться к условиям договора при отсутствии реальной возможности влиять на их содержание.

В другом деле из договора лизинга Верховный Суд РФ счёл непрозрачным расчёт возмещения потерь кредитору, указав: «расчет лизинговой компании носит непрозрачный характер, имеет признаки нарушения эквивалентности встречных предоставлений, а применение предусмотренного пунктом 10.10.1 Правил лизинга порядка определения сальдо встречных предоставлений – приводит к непропорциональному обременению лизингополучателя»¹¹³.

Попутно Верховный Суд РФ сделал несколько важных для нашей темы выводов: «При наличии возражений слабой стороны относительно применения явно обременительных для неё условий договора, в том числе финансово непрозрачных условий... , суд не вправе отклонить эти возражения только по той причине, что при заключении договора в отношении спорного условия не были высказаны возражения...»

¹¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2022 № 305-ЭС22-10240 по делу № А40-224969/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 № 305-ЭС23-11168 по делу № А40-101929/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Если спорное условие договора явно нарушает баланс интересов сторон, и его применение приводит к возникновению неблагоприятных последствий для экономически слабой стороны договора, а сторона, в интересах которой установлено спорное условие договора, не обосновала его разумность, суд в соответствии с пунктом 4 статьи 1, пунктом 2 статьи 10 ГК РФ в целях защиты прав слабой стороны разрешает спор без учёта данного договорного условия, применяя соответствующие нормы законодательства».

В ситуации, когда экономически более сильная сторона, например, субъект естественной монополии, включает в договор присоединения несбалансированные условия о неустойке, суды могут вмешаться и восстановить справедливость, как, например, в этом деле: «...условия ответственности ПАО «ФСК ЕЭС» и ОАО «ГлобалЭлектроСервис» не являются равноценными, неустойка, подлежащая взысканию с ОАО «ГлобалЭлектроСервис», в 4 раза превышает неустойку, установленную договором для ПАО «ФСК ЕЭС», ответственность ПАО «ФСК ЕЭС» ограничена размером 10 % от цены Договора, в то время как ответственность ОАО «ГлобалЭлектроСервис» ничем не ограничена.

Высшим Арбитражным Судом РФ установлена недопустимость извлечения необоснованной выгоды из договорной неустойки, установленной при заключении договора «сильной стороной» договора, в условиях, когда «слабая сторона» не могла оспорить такое несправедливое договорное условие (процедура затруднительна) либо была введена в заблуждение авторитетом заказчика, внешней правомерностью его требования и невозможностью от него отказаться»¹¹⁴.

Несправедливые условия о расторжении договора

Интересное дело по анализу условий расторжения договора также представляет пример из лизинговых отношений.

Если условия расторжения договора лизинга были предложены лизингодателем, который вопреки требованиям п. 3 ст. 1, п. 3 ст. 307

¹¹⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.06.2023 № Ф05-12840/2019 по делу № А40-69663/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ГК РФ не предоставил лизингополучателю сведения о возможной цене продажи имущества, то риски, связанные с несоответствием стоимости, установленной в соглашении, фактической цене продажи не могут быть в полной мере возложены на лизингополучателя, а лизингодатель не вправе извлекать преимущество из сокрытия информации, уклонения от её предоставления.

При этом должно приниматься во внимание, находился ли лизингополучатель в положении, затрудняющем согласование иного содержания отдельных условий договора, например, имело ли место уклонение одной из сторон договора от предоставления другой стороне необходимой информации, иное недобросовестное сокрытие информации. О существенном нарушении интересов сторон договора лизинга может свидетельствовать то, что в результате применения соответствующего договорного условия лизингодатель создает себе имущественные выгоды, явно несоразмерные собственному предоставлению, а лизингополучатель лишается прав, обычно предоставляемых по договорам выкупного лизинга.

Исходя из этого, условия договора лизинга (соглашения о расторжении договора), защищающие интересы только одной стороны в ущерб другой, ставящие лизингодателя в заведомо лучшее положение, чем он находился бы при надлежащем исполнении договора лизинга, и навязанные лизингополучателю при заключении договора, с учётом конкретных обстоятельств дела могут быть квалифицированы как ничтожные на основании положений ст. 10 и 168 Гражданского кодекса и в таком случае не могут применяться судом при разрешении спора¹¹⁵.

В другом деле арендодатель оговорил себе в типовом договоре аренды право на односторонний отказ от договора по основаниям, предусмотренным ст. 619 ГК РФ. Для арендатора, напротив, было предусмотрено лишь право на расторжение договора в судебном порядке. Арбитражный суд сделал такой вывод: «...определённое при заключении договора аренды приоритетное условие

¹¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2022 № 305-ЭС21-28851 по делу № А40-83984/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

только для арендодателя на отказ от договора с условиями, ухудшающими положения арендатора по сравнению с законодательным регулированием, а также значение для ведения предпринимательской деятельности арендатора с учетом рискованного характера таковой, суды двух инстанций оценили данное условие договора (пункт 6.7 договора) как нарушающее баланс интересов сторон и не подлежащее применению с учётом действия диспозитивных норм»¹¹⁶. При этом односторонний отказ арендодателя от договора, произведённый на основании этого условия договора, был квалифицирован как недействительная сделка по ст. 168 ГК РФ.

Таким образом, суды довольно охотно применяют положения Постановления № 16 в самых разных ситуациях, среди которых можно выделить следующие:

- дисбаланс встречных предоставлений;
- дисбаланс положений об ответственности (размер неустойки, предусмотренный договором для каждой из сторон, должен быть соразмерным);
- дисбаланс прав и обязанностей (предусматривая условие об одностороннем отказе от договора для одной стороны, мы должны выговорить аналогичное право и для другой).

Библиографический список

1. Жужжалов М.Б., Попова П.И. Основные исторические основания в положениях о стандартных договорных условиях Германии // Правоведение. – 2022. – Т. 66, № 4. – С. 422–447.

2. Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 46. – С. 698–727.

3. Пьянкова А.Ф. Способы защиты прав слабой стороны по договору присоединения // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сб. ст. / Московский гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА) ; рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – М. : Статут, 2017. – С. 57-80.

¹¹⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.11.2022 № Ф06-25582/2022 по делу № А65-31800/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

*Русских Татьяна Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры экологического,
трудового, административного права, основ права
и российской государственности ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», г. Ижевск*

СВОБОДА ТРУДА И ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ ДОГОВОРОВ О ТРУДЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Свобода труда провозглашена в основополагающих нормативных правовых актах как международного уровня, так и уровня Российской Федерации. Конституция РФ в ст. 37 провозглашает свободу труда и закрепляет за каждым право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию¹¹⁷. На наш взгляд, человек действительно свободен в труде, когда он осознанно выбирает форму осуществления трудовой деятельности и, определившись с выбором, регистрируется в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя, поступает на военную или гражданскую службу, заключает гражданско-правовой договор оказания услуг или выполнения работ, либо вступает в трудовые отношения. Далее, уже вступив в соответствующие отношения, свобода труда подлежит ограничению в зависимости от отраслевой принадлежности норм, регулирующих выбранную гражданином сферу осуществления трудовой деятельности.

Так, в ст. 2 ТК РФ базовым принципом правового регулирования трудовых отношений провозглашена свобода труда¹¹⁸. Фактически же с момента вступления соискателя в процесс заключения

¹¹⁷ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

¹¹⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

трудового договора, свобода труда конкретного индивида начинает ограничиваться как работодателем, так и законом. В частности, работодатель вправе устанавливать требования к деловым качествам потенциального работника, обусловленные характером работы. Трудовым законодательством устанавливается запрет на осуществление работниками отдельных видов деятельности без предварительного психиатрического освидетельствования, медицинского осмотра. Для работы по определённым профессиям, должностям необходимо наличие образования, отсутствие судимости за определённые категории преступлений. В целях предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний работники отдельных профессий обязаны проходить предварительные и периодические медицинские осмотры. Работник не может быть свободен и далее, в процессе существования трудового отношения, поскольку в первую очередь он зависим от возложенных на него обязанностей и необходимости соблюдать дисциплину труда. Более того, некоторые категории работников даже за пределами рабочего времени обязаны исполнять определённые трудовые обязанности (в частности, работники, выполняющие воспитательные функции, – следовать нормам профессиональной этики, чтобы не быть уволенными за совершение аморального поступка, несовместимого с продолжением трудовой деятельности в замещаемой должности). Следует констатировать, что государственное вмешательство в сферу свободы работника и работодателя – неотъемлемый спутник трудовых отношений. Соответственно, применительно к трудовому праву необходимо признать факт ограничения свободы сторон трудового договора.

Как уже было сказано ранее, реализуя право на труд, граждане выбирают различные формы занятости. При осуществлении трудовой деятельности посредством заключения договоров гражданско-правового характера не применяются указанные выше для трудовых отношений требования и ограничения (например: об обязательных медосмотрах, образовании и т.д.). Объём понятия «свобода гражданско-правового договора» включает в себя три состав-

ляющие: свободу заключения договора, свободу выбора заключаемого договора; свободу определения условий договора. Согласно пп. 1 и 2 ст. 1 ГК РФ субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству его условий¹¹⁹.

Зачастую на практике желание работодателя уклониться от предоставления работникам трудовых гарантий и льгот, соблюдение законодательства об охране труда находит поддержку со стороны граждан, не желающих выполнять требования и ограничения трудового законодательства. Выбор делается ими в пользу гражданско-правового оформления трудовых отношений.

Действительно, в соответствии с ч. 2 ст. 15 ТК РФ заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается. Вместе с тем, как показывает практика, в силу действия того же принципа свободы труда, если на это есть волеизъявление самого гражданина, он волен выбирать вид заключаемого договора. Разрешая вопрос о признании гражданско-правового договора трудовым, судам прежде всего надлежит учитывать мнение исполнителя (работника). Соответственно, если фактически осуществляется деятельность, имеющая признаки трудовых отношений, но ни одна из сторон не настаивает на её оформлении посредством заключения трудового договора и признания отношений трудовыми, у государства отсутствуют полномочия на вмешательство. До момента возникновения конфликта с заказчиком (по факту – работодателем) и предъявления к нему соответствующего требования, фактически трудовые отношения продолжают существовать в гражданско-правовой форме. Как итог, имеет место подмена трудовых отношений отношениями гражданско-правового характера, в том числе с привлечением труда самозанятых. Анализ практики показывает,

¹¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

что приведённые ситуации становятся массовым явлением. При этом третьи лица, в том числе в защиту которых трудовым законодательством устанавливается, например, требование к работнику проходить предварительные и периодические медицинские осмотры, не всегда осведомлены о том, каким образом оформлены отношения между организацией, в которую они обратились, и лицом, оказывающим услуги или выполняющим работы от имени данной организации. Соответственно, они не защищены от оказания им услуги представителем исполнителя, имеющим, например, инфекционное заболевание.

Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения РФ» (поэтапно вступающий в силу с 01 января 2024 г.) в ст. 66 даёт понятие нелегальной занятости как «осуществление трудовой деятельности в нарушение установленного трудовым законодательством порядка оформления трудовых отношений»¹²⁰. Вместе с тем данное понятие не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, можно ли признавать нелегальной занятостью ситуации, когда гражданин, сознательно и добровольно оперируя принципами свободы труда и свободы договора, делает выбор в пользу гражданско-правовых отношений, регистрации в качестве самозанятого и оказания услуг (выполнения работ) в данном статусе. Зачастую такой выбор гражданином делается намеренно, чтобы избежать вступления в трудовые отношения и преодолеть накладываемые трудовым правом ограничения. Более того, при отсутствии со стороны государства поддержки идеи престижности работы по трудовому договору, трансляции модного поведения «фриланса», всё большее количество населения делают выбор не в пользу трудового права, пренебрегая устанавливаемыми им ограничениями.

В условиях закреплённой на конституционном уровне свободы труда и свободы экономической деятельности, повсеместного распространения отношений гражданско-правового характера, не соответствует идее справедливости, на наш взгляд, то, что ограничение

¹²⁰ О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (вступает в силу с 01.01.2024). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

свободы труда, в том числе в целях защиты определённого круга лиц, устанавливается только средствами трудового права. Работники и работодатели, оформившие отношения надлежащим образом и соблюдающие установленные законом запреты и ограничения, оказываются в крайне невыгодном положении по сравнению с теми, кто оформил отношения гражданско-правовым способом. При этом фактически в первом и втором случаях по своему содержанию может осуществляться один и тот же вид трудовой деятельности. Как итог, имеет место ситуация, в которой государство и общество не возвеличивают человека труда, соблюдающего нормы права; преимущества получает тот, кто сознательно «обошел» устанавливаемые трудовым законодательством ограничения. О каком уважении человека труда может идти речь, когда справедливость отсутствует в самом правовом регулировании?

Действительно, существуют различные виды трудовой деятельности, но когда они имеют одинаковое содержание, несправедливо установление ограничений для одной формы их существования и отсутствие ограничений – для другой. Современный рынок труда характеризуется появлением новых сфер заключения гражданско-правовых договоров оказания услуг и выполнения работ, внедрением платформенной занятости, труда самозанятых. Соответственно, расширяются сферы применения трудовой деятельности, видоизменяются организационный и имущественный элементы трудового правоотношения. Вместе с тем труд любого человека вне зависимости от способа его оформления должен цениться одинаково, при этом в данном контексте важна не только материальная, но и духовная составляющая. В частности, когда мы осознаём, что человек, осуществляющий определённый вид трудовой деятельности, соответствует тем повышенным требованиям, которые предъявляет к нему законодательство, это возвышает значимость его труда в глазах общества.

На наш взгляд, ограничения на занятие определёнными видами деятельности (наличие образования, состояние здоровья, отсутствие судимости и т.п.) должны устанавливаться не в отношении формы осуществления трудовой деятельности, а применительно к его содержанию, не только средствами трудового, но и гражданско-правового регулирования.

данского права. В том числе данный подход обусловлен необходимостью обеспечить интересы и безопасность третьих лиц, в адрес которых данная трудовая деятельность направлена. В качестве положительного примера можно привести Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации...», который устанавливает общее правило, что к трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением легковыми такси при осуществлении перевозок пассажиров и багажа, вне зависимости от вида заключаемого с водителем договора, не допускаются лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение определенных преступлений либо подвергающиеся уголовному преследованию за них¹²¹.

Согласно приведённому ранее Федеральному закону «О занятости населения РФ» принципами правового регулирования отношений в сфере занятости населения безотносительно к отраслевому компоненту являются добровольность труда и свобода выбора гражданами формы занятости. В силу действия конституционных принципов свободы труда и экономической свободы каждый сам вправе решать, какой форме осуществления трудовой деятельности отдать предпочтение. Но когда к одинаковому по содержанию роду деятельности применяются разные требования в зависимости от отраслевой принадлежности регулирующих норм, это не способствует укреплению веры человека в идеи справедливости и созидательного труда. Труд должен цениться одинаково вне зависимости от формы, посредством которой он осуществляется, именно так будут обеспечены равенство как неотъемлемый компонент справедливости и действительное уважение человека труда, гарантированное Конституцией РФ.

¹²¹ Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

Соответственно, вполне обоснованно, установление единых требований, в том числе ограничений к осуществлению отдельных видов трудовой деятельности, не только применительно к трудовым отношениям, но и смежным с ними отношениям гражданско-правового характера. Ограничению должна подлежать, на наш взгляд, не только свобода трудового договора, но и свобода гражданско-правового договора, предметом которого выступает трудовая деятельность граждан в определенных сферах.

Савенко Наталья Евгеньевна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права

*и гражданского судопроизводства Юридического института
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(НИУ)», г. Челябинск*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРАХ

Прежде чем вести речь о принципе свободы договора в предпринимательских договорах, следует уделить внимание понятию и видам предпринимательского договора, поскольку особенности предпринимательского договора непосредственно взаимосвязаны с реализацией свободы договора.

В отсутствие легального понятия «предпринимательский договор» следует обращаться к категории «гражданско-правовой договор». В статье 420 Гражданского кодекса Российской Федерации¹²² (далее – ГК РФ) содержится определение договора как соглашения двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Предпринимательский договор обладает гражданско-правовой природой, что подтверждается наличием норм в ГК РФ о договорах, регулирующих и бытовые, и предпринимательские договорные отношения. При этом следует учитывать самостоятельность предпринимательского договора.

В литературе предпринимательский договор понимается по-разному, например, В.Ф. Яковлев¹²³, В.Ф. Попондопуло¹²⁴ определяют его как вид гражданско-правового договора. В.К. Андреев,

¹²² Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2023).

¹²³ Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 8.

¹²⁴ Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 485.

напротив, указывает, что «предпринимательский договор – не разновидность гражданского договора, а самостоятельный тип обязательства, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности, регулируемый в рамках ГК РФ»¹²⁵. Схожей позиции придерживаются А.К. Аветисян и С.В. Новикова¹²⁶.

Следует согласиться с мнением А.Н. Левушкина, который указывает, что предпринимательские договоры опосредуют предпринимательские отношения, соответственно, заключаются в целях осуществления его сторонами или одной из сторон предпринимательской деятельности¹²⁷.

Полагаем, что предпринимательский договор – это соглашение сторон, одной из которых выступает субъект предпринимательской деятельности. Предпринимательский договор обладает гражданско-правовой природой, но опосредован признаками предпринимательской деятельности (рисковый характер, направленность на систематическое получение прибыли – ст. 2 ГК РФ).

Важно учитывать субъектный состав участников предпринимательских договоров. В статье 2 ГК РФ определено, что гражданским законодательством регулируются отношения между предпринимателями или с их участием. Исходя из этого, в литературе¹²⁸ говорится о трёх видах предпринимательских договоров: 1) договоры, заключаемые между субъектами предпринимательской деятельности; 2) договоры, заключаемые между потребителями и субъектами

¹²⁵ *Андреев В.К.* Обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности (предпринимательский договор) // Юрист. 2015. № 16. С. 4-8. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁶ *Аветисян А.К., Новикова С.В.* Понятие и система предпринимательских договоров // Научный журнал «Эпомен». 2018. № 12. С. 13.

¹²⁷ *Левушкин А.Н.* Договоры в предпринимательской деятельности : учебник. М. : Проспект, 2021. С. 51.

¹²⁸ Данной классификации придерживаются, например, авторы монографии *Договоры в предпринимательской деятельности / О.А. Беляева, В.В. Витрянский, К.Д. Гасников [и др.]*; отв. ред. Е.А. Павлодский, Т.Л. Левшина. М. : Статут, 2008. 509 с.; а также *Яковлев В.Ф.* Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 3-9.

предпринимательской деятельности; 3) договоры, заключаемые между субъектами предпринимательской деятельности и публично-правовыми образованиями в лице их органов и учреждений. Однако имеется и иное мнение о том, что договор является предпринимательским, если обе стороны – субъекты предпринимательской деятельности¹²⁹. Данный вопрос носит дискуссионный характер. Мы придерживаемся позиции нескольких видов предпринимательских договоров с участием граждан-потребителей и публично-правовых образований.

Свобода договора является основной особенностью рыночного хозяйства. Рыночная экономика функционирует посредством совершения миллионов частных сделок автономными и свободными индивидами¹³⁰. Как отмечает А.Н. Левушкин, свобода предпринимательского договора основана на самостоятельности, инициативности, осуществлении предпринимательской деятельности на свой риск¹³¹. Раскрыть содержание свободы договора позволяет обращение к следующим правовым актам.

Так, в статье 421 ГК РФ и постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах»¹³² определены формы выражения свободы договора, в числе которых выделены следующие: 1) свобода субъектов в выборе действий: заключать или не заключать договор; 2) свобода выбора контрагента для заключения договора; 3) свобода выбора условий договора с учётом приоритета диспозитивных или императивных норм законодательства; 4) свобода выбора конструкции договора (поименованный или непоименованный в ГК РФ договор).

¹²⁹ Договорное регулирование предпринимательской деятельности : учебник / под ред. В.С. Белых. М. : Проспект, 2020. С. 21.

¹³⁰ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса российской Федерации / *А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов* [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Изд. 2-е, доп. М. : Статут, 2020. С. 61.

¹³¹ *Левушкин А.Н.* Указ. соч. С. 51.

¹³² О свободе договора и её пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2023).

Свобода в решении вопроса о том, заключать или не заключать договор с определённым субъектом в той или иной конкретной ситуации, практически сводится к принципу недопустимости понуждения кого бы то ни было к заключению договора с другим, ему подобным (т.е. частным же) лицом (п. 1 ст. 421 ГК РФ). Частные лица – они на то и частные, что являются юридически равными по отношению друг к другу, т.е. ни одно из них не имеет юридической власти над другим¹³³.

Однако в отличие от гражданско-правового договора, в вышеуказанных видах предпринимательских договоров *свобода договора* реализуется не в полной мере. Например, договоры между субъектами предпринимательской деятельности и потребителями являются публичными договорами, что означает для предпринимателей (продавцов, исполнителей) обязанность заключения договора с каждым, кто к ним обратится на одинаковых условиях, а также контроль со стороны государства и повышенная ответственность перед потребителями. Исходя из положений ст. 426 ГК РФ о публичном договоре, свобода договора в договорах с участием потребителей ограничивается для предпринимателей в части свободы заключения договора. Свобода в определении условий такого договора, с одной стороны, для предпринимателей широка, поскольку они формулируют условия. Однако, с другой стороны, учитывая позицию потребителя как слабой стороны договора, свобода договора в определении условий ограничивается законодателем положением ст. 16 Закона РФ от 17.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹³⁴. Так, согласно указанной норме, недопустимыми условиями договора, ущемляющими права потребителя, являются условия, которые нарушают правила, установленные международными договорами Россий-

¹³³ Белов А.В. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве // Свобода договора : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М.А. Рожкова. М. : Статут, 2016. С. 109.

¹³⁴ О защите прав потребителей : Закон РФ от 17.02.1992 № 2300-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2023).

ской Федерации, Законом о защите прав потребителей, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей. Недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителя, ничтожны.

В договорах между субъектами предпринимательской деятельности и публично-правовыми образованиями (в лице их органов и учреждений) свобода договора для предпринимателей ограничена до права выбора: принимать участие или нет в закупке по приобретению товаров, оказанию услуг, выполнению работ для государственных или муниципальных нужд. В остальном же (согласование условий договора – контракта – о цене, сроках и т.д.) свобода отсутствует. В данном случае стороны руководствуются, как правило, типовым контрактом и императивными нормами Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹³⁵.

Правовая характеристика *свобода воли* схожа со свободой договора. С одной стороны, предприниматель реализует свободу воли только на заключение того или иного договора с тем или иным публичным субъектом, а вот реализовать волю на изменение или расторжение заключенного договора (контракта) в том же порядке что и в обычном гражданско-правовом договоре уже не может ввиду особого публичного характера договорных отношений.

Относительно «диспозитивности» следует обратиться к постановлению Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Данная характеристика договора тесно связана со свободой выбора условий договора, которые отражены в нормах закона, в частности в ГК РФ. Количество диспозитивных норм, регулирующих договорные обязательства в сфере предпринимательской деятельности, в соотношении с императивными нормами

¹³⁵ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 14.11.2023) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.12.2023).

несколько меньше, что обусловлено субъектным составом и признаками предпринимательской деятельности. Если рассматривать вид предпринимательских договоров, заключаемых между предпринимателями, то диспозитивность преобладает, и свобода договора действует в полной мере.

В договорах с участием потребителей, последние пользуются особой защитой по Закону РФ «О защите прав потребителей». И как сказано выше, ст. 16 Закона о защите прав потребителей закрепляет положение о ничтожности условий договора, ущемляющих права потребителей. Поэтому в данных договорах диспозитивность в выборе условий договора со стороны предпринимателя также ограничена. И к тому же законодатель предъявляет к субъектам предпринимательской деятельности повышенную ответственность не только за ненадлежащее исполнение, неисполнение договоров, а также и в отношении качества, безопасности товаров, работ и услуг, информированию потребителей, что свидетельствует о большой степени императивности правовых норм, применяемых в этой области.

Предпринимательские договоры с участием публичных субъектов также отражают императивный характер норм гражданского и предпринимательского законодательства, применяемого при определении условий договоров-контрактов, процедур проведения закупок, заключения договоров-контрактов и все дальнейшие действия сторон по их исполнению. Поэтому в таких предпринимательских договорах принцип свободы договора также реализуется не в полной мере. Такое положение дел свидетельствует о том, что стороны договора (контракта) находятся в неравном положении.

Относительно неравного положения субъектов договорных отношений очевидно, что во второй группе предпринимательских договоров (договоры между субъектами предпринимательской деятельности и гражданами-потребителями) слабой стороной является потребитель, а к предпринимателю предъявляются повышенные требования. В третьей группе предпринимательских договоров (договоры с участием публичных субъектов) предприниматель

поставлен в законодательные рамки касательно процедуры заключения договора, изменения его условий и содержания.

Вышесказанное позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, предпринимательский договор – это соглашение сторон, одной из которых выступает субъект предпринимательской деятельности. Предпринимательский договор обладает гражданско-правовой природой, но опосредован признаками предпринимательской деятельности (рисковый характер, направленность на систематическое получение прибыли – ст. 2 ГК РФ). Он характеризуется частноправовыми и публичными началами.

Во-вторых, отличием предпринимательских договоров от гражданско-правовых договоров являются особенности субъектного состава (граждане-потребители, публично-правовые образования). Субъектный состав отражает как частноправовой, так и публичный характер предпринимательских договоров.

В-третьих, принцип свободы договора в предпринимательских договорах не безграничен. Свобода договора в них ограничивается особенностями гражданского оборота и субъектов договорного правоотношения, характером предмета договора (например публичные нужды).

В-четвёртых, ограничение свободы договора по отношению к одной из сторон предпринимательского договора обеспечивает соблюдение прав и интересов другой стороны договора.

Библиографический список

1. Аветисян А.К., Новикова С.В. Понятие и система предпринимательских договоров // Научный журнал «Эпомен». – 2018. – № 12. – С. 8-16.
2. Андреев В.К. Обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности (предпринимательский договор) // Юрист. – 2015. – № 16. – С. 4-8.
3. Белов А.В. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве // Свобода договора : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М.А. Рожкова. – М. : Статут, 2016. – С. 105-158.

4. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Изд. 2-е, доп. – М. : Статут, 2020. – 1072 с.

5. Договорное регулирование предпринимательской деятельности : учебник / под ред. В.С. Белых. – М. : Проспект, 2020. – 720 с.

6. Договоры в предпринимательской деятельности / О.А. Беляева, В.В. Витрянский, К.Д. Гасников [и др.] ; отв. ред. Е.А. Павлодский, Т.Л. Левшина. – М. : Статут, 2008. – 509 с.

7. Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности : учебник. – М. : Проспект, 2021. – 400 с.

8. Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 607 с.

9. Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. – 2008. – № 1. – С. 3-9.

Сегал Ольга Александровна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,*

Ходырева Екатерина Александровна,

*д.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,*

г. Ижевск

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Брачный договор – один из востребованных правовых инструментов, благодаря применению которого супруги вправе урегулировать возникающие между ними имущественные отношения. Актуальность института брачного договора подтверждается статистическими данными (см. таблицу № 1), хотя сложности 2022 года в отрицательном плане повлияли на динамику брачных договоров¹³⁶.

Таблица 1

Год	Число брачных договоров по РФ	Число брачных договоров по УР
2015	более 46 тыс.	неизвестно
2016	72 005	649
2017	88 672	790
2018	109 640	983
2019	114 352	957
2020	147 949	1387
2021	152 228	1495
2022	107 138	944

¹³⁶ Количество нотариально удостоверенных брачных договоров // Сайт Министерства юстиции РФ. Сведения о нотариате. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/> (дата обращения: 26.12.2023).

Несмотря на относительную стабильность правового регулирования брачного договора, тем не менее в современных условиях становится необходимым обратить внимание на ряд спорных вопросов, возникающих в нотариальной и судебной практике при применении норм о брачном договоре.

1. Свобода заключения брачного договора.

Вопрос о правовой природе брачного договора спорный, сложно отрицать в нём черты гражданско-правовой сделки, тем более что ст. 4 СК РФ¹³⁷ разрешает применять нормы гражданского законодательства к соответствующим отношениям постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Установленный в ГК РФ принцип свободы договора позволяет супругам самостоятельно решить вопрос о заключении брачного договора, тем не менее можно говорить о случаях, когда заключение такого договора становится своеобразной обязанностью для супругов. Так, в целях создания личного фонда одним из супругов по правилам п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ¹³⁸ имущество каждого из супругов должно быть обособлено, т.к. создание такого юридического лица возможно только за счёт имущества, принадлежащего учредителю фонда на праве собственности. Такое обособление на практике осуществляется за счёт пообъектного определения перечня имущества каждого из супругов в брачном договоре. Даже если соучредителями фонда будут выступать оба супруга, и они должны передать личному фонду общее имущество, то его состав и полный перечень опять-таки будет определён по условиям брачного договора.

2. Исполнение брачного договора при наличии в нём обязанности по уплате алиментов.

Семейный кодекс РФ разрешает включить в брачный договор условия по взаимному содержанию супругов. В этой части договор

¹³⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

¹³⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

имеет сходства с соглашением об уплате алиментов. Однако эти соглашения отличны по субъектному составу и содержанию. Кроме того, нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов приобретает силу исполнительного листа, что существенно облегчает процесс его принудительного исполнения. Придание алиментному соглашению силы исполнительного листа представляет собой дополнительную гарантию, направленную на защиту более слабой, нуждающейся в материальной помощи стороны. Что касается брачного договора, то принудительное исполнение его условий возможно только через предъявление иска в суд.

Несмотря на то, что основная цель брачного договора – изменить законный режим имущества супругов, возникает вопрос о том, может ли содержание договора исчерпываться условиями об уплате алиментов. Принцип свободы договора этого не запрещает. Е.А. Чефранова считает возможным в этой ситуации рассматривать брачный договор в качестве соглашения об уплате алиментов и подчинить его действие установленным для такого вида соглашений правилам¹³⁹. В этой связи было бы целесообразным включить брачный договор в перечень исполнительных документов. Между тем при наличии в брачном договоре условий о предоставлении содержания лицам, не подпадающим под критерии получателей алиментов (напр., трудоспособный нуждающийся супруг), оснований для уравнивания юридической силы такого брачного договора с соглашением об уплате алиментов не имеется.

3. Определение соглашения об уплате алиментов в качестве исполнительного документа.

Формулировка статьи 100 СК РФ о том, что нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа представляется некорректной с позиции положений законодательства об исполнительном производстве, в нормах которого чётко разграничены понятия «исполнительный документ» и «исполнительный лист».

¹³⁹ Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов : науч.-практ. пособие. М., 2008. С. 159.

Исполнительный документ представляет документ, являющийся основанием для возбуждения исполнительного производства и совершения судебным приставом-исполнителем действий по принудительному исполнению актов различных органов. В то время как исполнительный лист – это только отдельный вид исполнительных документов, общий перечень которых закреплён в ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹⁴⁰. Исполнительные листы, как гласит закон, выдаются судами общей юрисдикции и арбитражными судами на основании принимаемых ими судебных актов. К ним соответственно применяются особые требования по их выдаче, и императивно установлены реквизиты такого исполнительного документа. Основанием исполнения в этом случае являются акты судебных органов, а непосредственно исполнительным документом является исполнительный лист. В случае же с нотариально удостоверенным соглашением об уплате алиментов – именно оно является одновременно основанием исполнения и исполнительным документом. Поэтому применительно к нотариально удостоверенному соглашению об уплате алиментов верной была бы следующая редакция п. 2 ст. 100 СК РФ: «Нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов является исполнительным документом».

4. Включение в брачный договор условий об определении судьбы имущества на случай смерти.

В настоящее время законодательно разрешено включить в брачный договор условия, определяющие прижизненные имущественные отношения между супругами (ст. 40 СК РФ). Установить перечень объектов с определением их судьбы на случай смерти, в т.ч. посредством передачи другому супругу, невозможно в силу императивного предписания п. 1 ст. 1118 ГК РФ¹⁴¹.

¹⁴⁰ Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) //СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

¹⁴¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552.

Между тем брачный договор как соглашение, определяющее имущественные права и обязанности супругов, вполне может стать инструментом для определения посмертной судьбы имущества. К такому решению вопроса есть несколько предпосылок: 1) возможность применения договорного порядка определения наследников уже заложена в части 3 ГК РФ в связи с признанием наследственного договора одним из оснований наследования (статьи 1111, 1140.1 ГК РФ); 2) супругам предоставлена возможность определить судьбу их личного или общего имущества на случай смерти через составление единого документа (совместного завещания или наследственного договора), сформировав тем самым наследственную массу каждого из супругов; 3) предметом брачного договора как при пожизненной судьбе имущества, так и при определении посмертной судьбы объектов супругов остается имущество; 4) принцип свободы договора позволяет сторонам комбинировать в одном договоре элементы различных договоров (п. 3 ст. 421 ГК РФ). Учитывая цель брачного договора – определить имущественные права и обязанности супругов – возможным становится включение в брачный договор условия о передаче имущества на случай смерти другому (пережившему) супругу, исключив при этом право определения иных преемников, помимо супруга. При желании любого из супругов или каждого из них передать в порядке наследования личное или общее имущество третьим лицам (исключая самих супругов), они могут в порядке применения норм части 3 ГК РФ составить завещание, в т.ч. совместное, или заключить наследственный договор.

Предложенное решение вопроса о включении в брачный договор условия о посмертной передаче объектов в пользу супруга позволит экономично подойти к вопросу и исключит необходимость составления отдельных соглашений, будет способствовать наиболее эффективной защите прав и интересов супругов.

5. Применение оценочных понятий при оспаривании брачного договора.

Согласно статье 44 СК РФ брачный договор может быть признан судом недействительным по специальному основанию – «крайне неблагоприятное положение, в которое договор ставит

одного из супругов». При удостоверении брачного договора нотариус обязан разъяснить сторонам смысл и значение совершаемой сделки, ознакомить с условиями заключения брачного договора и с правовыми последствиями избранного сторонами правового режима имущества, а также проверить, соответствует ли содержание соглашения действительным намерениям сторон, не противоречит ли требованиям закона данная сделка. Поэтому уже на стадии заключения договора определение нотариусом возможных неблагоприятных последствий становится необходимой и сложной задачей.

Верховный Суд РФ в постановлении № 15 от 5 ноября 1998 г.¹⁴² не определяет критериев крайне неблагоприятного положения, приводя лишь единичный пример – один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака. Но даже это условие само по себе не может свидетельствовать о нарушении прав одного из супругов на общее имущество. Например, в следующей ситуации, когда по обоюдному соглашению супруги сначала решают заключить брачный договор, по которому все имущество переходит к мужу, потом – они расторгают брак, бывший муж продает недвижимость и половину суммы от продажи объектов выделяет бывшей супруге. Нотариус в подобной ситуации не вправе отказать в удостоверении брачного договора, несмотря на то, что один из супругов лишается права на общее имущество, но при этом должен разъяснить сторонам содержание заключаемой сделки. Свобода выбора, свобода воли и, соответственно, свобода договора имеют первостепенное значение. Брачный договор отражает намерения лиц, его заключивших, и каждый договор всегда индивидуален. Обратившись к нотариусу, стороны сами определяют условия, которые хотят отразить в договоре. Фактически договор представляет собой некую основу, в которую в любой момент могут быть внесены изменения и дополнения.

¹⁴² О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

Поэтому встречающиеся в литературе критерии крайне неблагоприятного положения и предложения о необходимости четкого толкования этого понятия вряд ли могут быть безоговорочно восприняты.

Таким образом, констатируем, что государство, предоставляя право заключения брачного договора, даёт возможность самим субъектам с большей долей ответственности подойти к созданию семьи. Оградив себя от финансовых споров и взаимных упреков, стороны приоритетно укрепляют внутрисемейный микроклимат, который будет благотворно влиять на всех членов семьи, в чём и состоит базовое значение брачного договора.

Библиографический список

1. Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов : науч.-практ. пособие. – М., 2008. – 272 с.

Сёмин Александр Владимирович,
к.ю.н., адвокат, НО «Удмуртская Республиканская
коллегия адвокатов», г. Ижевск

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СВОБОДЕ ДОГОВОРА

Вступая в дискуссию о свободе договора и её ограничении в российском праве, считаю необходимым привести несколько примеров из правоприменительной практики. Когда заключается договор между хозяйствующими субъектами, то сложностей в применении принципа свободы договора не возникает: стороны определяют предмет договора, закрепляют обязательные требования в зависимости от вида договора и оговаривают те условия, по которым друг другу не доверяют. При заключении хозяйственных договоров их качество зависит от юридической службы участников сделки.

В данной статье приведу примеры договоров, в которых одной стороной является юрист, а другой – лицо, которому требуется правовая помощь этого юриста, т.е. примеры письменных соглашений между Адвокатом и Доверителем. При заключении договора с адвокатом Доверитель убеждён в том, что договор Адвокатом будет оформлен юридически грамотно, и его интересует только стоимость услуг. Договор он читать не будет. В подтверждение того, что Доверитель не читает текст договора, приведу следующий пример.

Договор № 11 об оказании услуг адвоката на предварительном следствии от 03 февраля 2022 г. между адвокатом С. и гражданином К. Предмет договора: осуществлять защиту на стороне *потерпевшей* К. на стадии расследования по уголовному делу. Обязанности адвоката: использовать все законные средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, *оправдывающих обвиняемого*, смягчающих его ответственность. Гарантии адвоката: все действия, будут направлены *на смягчение вины и оправдание* подзащитного.

Вывод: обязанности Адвоката противоречат интересам Доверителя.

Далее приведу договор от 01 ноября 2017 г. между адвокатом Ч. и гражданином О. Предмет договора: доверитель поручает, а адвокат принимает на себя обязанность оказывать юридическую помощь в объёме и на условиях, предусмотренных настоящим соглашением. Адвокат обязуется защищать интересы Доверителя на предварительном следствии по уголовному делу. Доверитель обязуется оплачивать Адвокату за работу по уголовному делу в размере (указана сумма) за каждый месяц участия. В случае увеличения либо усложнения объёма юридической помощи, согласованный сторонами гонорар подлежит пересмотру. Доверителю разъяснено, ему понятно, и он согласен с теми видами, объёмами юридической помощи и её стоимостью, которые обязан выполнить адвокат в соответствии с настоящим соглашением. Доверитель подтверждает полное понимание и согласие с условиями настоящего соглашения. Доверитель подтверждает своё согласие на то, что Адвокат не обязан оказывать юридическую помощь другого вида и объёма, не согласованную сторонами в настоящем соглашении. Доверитель своей подписью подтверждает, что ему разъяснено и понятно содержание соглашения и все условия, предусмотренные настоящим соглашением.

На первый взгляд, ничего особенного данный договор не представляет и никакого отношения не имеет к теме дискуссии. Однако следует учитывать, что договор составлен адвокатом, а потому доверитель не сомневается в законности всех положений соглашения и никакого нарушения своих прав не усматривает, полагая, что это общие условия. Но если внимательно рассмотреть условия соглашения, то станет очевидным злоупотребление адвокатом свободой договора, поскольку в нём закреплены кабальные для Доверителя обязанности, а именно:

1. Из условия о том, что Доверитель обязуется ежемесячно оплачивать работу адвоката в определённом размере, а в случае увеличения либо усложнения объёма юридической помощи размер оплаты подлежит пересмотру, понятно, что не в сторону уменьшения. Границы увеличения в соглашении не определены. В момент заключения соглашения об оказании юридической помощи по уголов-

ному делу объём и сложность предстоящих услуг определить невозможно, а потому стороны и договариваются о ежемесячной оплате услуг. Соответственно, закрепление условия о пересмотре размера оплаты в случае увеличения либо усложнения заведомо неправомерно и означает, что стороны не достигли соглашения по такому существенному условию договора, как стоимость услуг, а предусмотрели только право Адвоката увеличивать размер оплаты.

2. При ознакомлении с текстом соглашения Доверитель не обращает внимания на то, что в нём содержатся условия, прямо запрещённые законом об адвокатской деятельности. Он обратился за помощью и, соответственно, желает, чтобы адвокат оказал ему содействие в получении желательного для него решения, т.е. исходит из того, что подробно изложил цель обращения к адвокату и суть проблемы, а потому подписывает соглашение, в котором закреплено, что Адвокат обязуется представлять и защищать интересы Доверителя на предварительном следствии по уголовному делу. Значение данного условия заключается в том, что по окончании предварительного следствия Адвокат поставит Доверителя в известность об исполнении договорных обязательств в полном объёме. Вот теперь становится понятно, с какой целью автор соглашения включил в текст договора положения о том, что Доверителю разъяснено, ему понятно, и он согласен с теми видами, объёмами юридической помощи, которые обязан выполнить адвокат в соответствии с настоящим соглашением, подтверждает полное понимание и согласие с условиями настоящего соглашения, также подтверждает своё согласие на то, что Адвокат не обязан оказывать юридическую помощь другого вида и объёма, не согласованную сторонами, своей подписью подтверждает, что ему понятно содержание соглашения и все условия, предусмотренные настоящим соглашением.

Доверитель впервые обращается к этому адвокату за юридической помощью, а адвокату достоверно известно, что наступит момент, когда придётся детально разъяснить Доверителю содержание договора, и что данные договорные обязательства на момент заключения соглашения были понятны Доверителю и согласованы

с ним. Нарушение закона «Об адвокатской деятельности...» заключается в том, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты, а, значит, предмет договора – оказание юридических услуг только на стадии предварительного следствия – не соответствует специальному закону.

Вот теперь уже совсем становится ясным, с какой целью в договоре подчёркивается важность понимания Доверителем условий договора. Доверителю известно лишь то, что в соответствии с принципом свободы договора стороны вправе закрепить в соглашении любые условия, а поскольку договор сторонами подписан, то оспаривать его бесполезно.

Приведённые примеры наглядно показывают, что в соглашениях между Адвокатом и лицом, которому необходима юридическая помощь, закреплены условия лишь в интересах лица, оказывающего услуги. При этом закон, регламентирующий деятельность адвоката, игнорируется, т.к. Доверителю он неизвестен, но известен принцип свободы договора.

Приведу ещё один пример, в котором явно прослеживаются интересы адвоката. Это договор об оказании юридической помощи от 14 февраля 2020 г. между адвокатом Ч. и гражданином Л. Предметом соглашения является участие Адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве. Права Адвоката: требовать соразмерного увеличения размера оплаты в случае существенного увеличения объёма работ по сравнению с предполагаемым на момент заключения соглашения. Права Доверителя: в любое время отказаться от выполнения соглашения с компенсацией расходов адвоката и уплатой вознаграждения соразмерно выполненной работе. Доверитель производит оплату за оказание юридической помощи по соглашению в размере (указана крупная сумма). В случае усложнения или увеличения объёма работ по настоящему Соглашению, по согласованию сторон размер оплаты за оказание помощи подлежит увеличению.

После получения указанной в договоре суммы, Адвокат объявляет об усложнении и увеличении объёма работ, что, в соответствии с п. 3.4 Соглашения, влечёт пересмотр оплаты в сторону

увеличения, и Доверитель вынужден производить дополнительно ежемесячную оплату, т.к. понимает, что выплаченная первоначально крупная сумма не будет возвращена, а требования адвоката нужно выполнять, поскольку последний может прекратить оказывать юридическую помощь.

Через определённое время наступает момент, когда Доверитель заявляет о невозможности производить оплату в таком размере. Адвокат предлагает пересмотреть условия оплаты в дополнительном соглашении. Прочитав текст дополнительного соглашения № 1 от 01 февраля 2021 г. к договору от 14 февраля 2020 г.: «Стороны пришли к соглашению: «п. 3.1. Доверитель производит оплату за оказание юридической помощи по соглашению в размере (указывается сумма, которая ранее была ежемесячной) за каждые три месяца оказания услуг по договору. Оплата вознаграждения производится в первый месяц триместра не позднее 30 числа. П. 3.3. По окончании уголовного судопроизводства и принятия итогового решения по делу в случае вынесения оправдательного приговора либо прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 и п. 2 ст. 24 УПК РФ, Доверитель выплачивает адвокату дополнительную денежную сумму в размере 2 000 000 рублей. Дополнительное вознаграждение не является гонораром успеха работы Адвоката и выплачивается Доверителем в связи с увеличением работы по делу или по иным причинам, которые существенно изменили условия договора. П. 3.4. В случае усложнения или увеличения объёма работ по настоящему Соглашению, по согласованию сторон размер оплаты подлежит увеличению».

Таким образом, в дополнительном соглашении размер ежемесячной оплаты уменьшен втрое, но закреплена обязанность выплаты вознаграждения в размере двух миллионов рублей. Обязанность выплаты вознаграждения после принятия итогового решения сформулирована как бы таким образом, что основанием является решение, принятое по реабилитирующим основаниям. Фактически закреплена обязанность выплаты единовременного вознаграждения при любом итоговом решении, поскольку указывается, что это не гонорар успеха, а увеличение объёма.

Следовательно, такое существенное условие договора, как стоимость услуг, опять же остаётся неопределённым.

Довольно интересным в плане применения принципа свободы договора представляется договор поручения от 11 апреля 2019 г., который заключили между собой два адвоката и представили в уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Предмет договора: доверитель поручает, а поверенный обязуется за вознаграждение совершить в интересах Доверителя следующие юридические действия: провести переговоры с гражданином К. на предмет заключения договора оказания юридических услуг следующего содержания: защита прав и интересов К. в районном суде при рассмотрении жалобы Заказчика на постановление следователя; защита прав и интересов К. по уголовному делу, которое рассматривается в районном суде; защита прав и интересов К. по уголовному делу, которое возбуждено в отношении неустановленного лица.

Поверенный должен предложить услуги Доверителя, не разглашая плана юридической защиты по названным делам. План и стратегия юридических действий, разработанная Доверителем, является коммерческой тайной, и на неё распространяется режим, предусмотренный законом «О коммерческой тайне». Поверенный не вправе разглашать фамилию, имя, отчество Доверителя, представляя Доверителя как «решающего человека», «люди, которые могут решить проблему», или иным способом. Вознаграждение Поверенного составляет 10 процентов от цены заключённого договора на оказание юридических услуг с гражданином К.

Вот такие условия закрепляют в договорах юристы, чья деятельность связана с оказанием правовых услуг населению. Подобные примеры с закреплением незаконных условий можно приводить бесконечно.

Как ни странно, такие юристы зачастую не понимают, что нарушают закон, поскольку исходят из принципа свободы договора, полагая, что принцип имеет приоритет над условиями применения положений о свободе договора, закреплённых в ст. 421 ГК РФ.

И в заключение рассуждений о свободе договора хочу привести пример, в котором интересны не условия, а сам предмет договора.

Появлению договора с интересным предметом предшествовало вынесение нескольких процессуальных решений по уголовному делу, которые необходимо привести в целях обоснования появления договора, о котором пойдёт речь ниже.

Итак, 26 июля 2012 г. следователь Ш. выносит постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, которое мотивировано следующим: «В период с 09 марта 2010 г. по 29 сентября 2011 г. неустановленное лицо, достоверно зная об исключительных правах на товарный знак «F.» у Общества «И.», выполняя управленческие функции в Обществе «Ж.», злоупотребляя своими полномочиями вопреки законным интересам этой организации, преследуя цели извлечения выгоды в интересах других лиц и нанесения вреда Обществу, организовало производство мотоциклов марки «F.» на базе указанного Общества, причинив своими действиями материальный ущерб в особо крупном размере.

Не правда ли, процессуальное решение безупречно в своей алогичности:

– лицо не установлено, но известно, какими сведениями оно обладало?

– кто-то неизвестный, используя должностные полномочия, организовал производство мотоциклов на заводе, и теперь необходимо его установить и предъявить ему обвинение в злоупотреблении полномочиями.

Следующий документ из данного уголовного дела, ставший первопричиной появления договора с интересным предметом – это указания руководителя следственного органа от 02 ноября 2016 г. следователю: «Принять исчерпывающие процессуальные меры к установлению потерпевшего лица, вынесении постановления о его допуске к участию в производстве по уголовному делу, признании его в качестве потерпевшего, допроса, приобщения необходимых документов».

Таким образом, суть приведённых процессуальных документов заключается в том, что неизвестное лицо проникло на завод, где на протяжении 18 месяцев, злоупотребляя должностным положением, занималось организацией производства мотоциклов, после чего скрылось, но проведёнными оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями удалось установить того, кто совершил данное злодеяние, и осталось только определить потерпевшего.

Указание руководителя исполнено, и 09 ноября 2016 г. следователем вынесено постановление о признании потерпевшим гражданина И.

Соответственно, возникает вопрос, а на каком основании потерпевшим признан гражданин И., если вред причинён юридическому лицу.

Ответ прост – на основании договора. По запросу следователя, адвокат Ч. представляет договор цессии от 10 октября 2016 г., в соответствии с которым юридическое лицо уступило гражданину... процессуальный статус потерпевшего.

А почему нет? По мнению тех юристов-практиков, которые составляют подобные договоры, принцип свободы договора позволяет закреплять не только любые условия, но и любой предмет.

Примеры приведены, осталось подвести итоги в соответствии с обозначенной темой: «Свобода договора и её ограничение».

Принцип свободы, как известно, является основой демократии, принцип безграничной свободы приводит к анархии, а применительно к принципу свободы договора безграничная свобода приводит к злоупотреблениям.

Федосеев Александр Андреевич,

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного
процесса ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ ДОГОВОРА И СОТРУДНИЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Свобода договора выступает одним из основополагающих, отраслеобразующих принципов гражданского права. Его содержание проистекает из нормы статьи 34 Конституции РФ, гарантирующей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Именно в развитие данного положения Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК), «...формулируя основные начала гражданского законодательства, определяет, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе, на основе принципа свободы договора...»¹⁴³.

Генетически принцип свободы договора связан с цивилистическими принципами автономии воли, равенства сторон и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. В своей совокупности они обеспечивают наделение субъекта гражданского права таким набором правовых гарантий, который позволяет в полной мере реализовывать его собственную правосубъектность, действовать своей волей и в своём интересе.

Другим, не менее важным, отраслевым принципом гражданского права является принцип сотрудничества сторон гражданско-правового отношения. Его актуальность обусловлена прежде всего

¹⁴³ Кузнецова О.А. Применение судами принципа свободы договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. Вып. 1 (3). С. 73.

усложняющимся и ускоряющимся гражданско-правовым оборотом, а вместе с этим – и кратным возрастанием транзакционных издержек его участников.

В отличие от принципа свободы договора, закреплённого ещё в самой первой редакции п. 1 ст. 1 ГК, сотрудничество в гражданском праве России получило полноценное развитие лишь после дополнения в 2015 г.¹⁴⁴ статьи 307 ГК пунктом 3 о том, что стороны при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

До этого ни в дореволюционной, ни в советской науке сотрудничеству не придавалось значения цивилистического принципа¹⁴⁵.

Как модель построения социального отношения, предполагающая особое доверие его сторон¹⁴⁶, сотрудничество наделяет действующих лиц набором абстрактных обязанностей, вытекающих из юридических императивов принципа, и в то же время вознаграждает их защищаемой средствами гражданского права возможностью не проводить излишне детальное изучение обстоятельств заключаемого договора, положившись на добросовестность и информационную открытость контрагента.

В этой связи интересно взглянуть на то, как взаимодействуют между собой принципы сотрудничества и свободы договора – ограничивают ли они друг друга, дополняют или существуют независимо друг от друга?

¹⁴⁴ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10, ст. 1412.

¹⁴⁵ *Панченко П.В.* Принцип содействия сторон обязательства в Российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 15–17.

¹⁴⁶ *Афлятунова Н.А.* Подходы к пониманию сотрудничества в психологической науке // Вестник СИБИТа. 2013. № 3 (7). С. 44.

Принцип свободы договора проявляется только на стадии заключения гражданско-правового договора¹⁴⁷. Его содержание, как это следует из положений ст. 421 ГК, определяется следующими основными идеями или, по-другому, юридическими императивами¹⁴⁸: это 1) свобода в принятии решения о заключении или незаключении договора (свобода в заключении договора, процедурный аспект договорной свободы¹⁴⁹) и 2) свобода определения содержания заключаемого договора, предполагающая возможность выбора модели договора, который может быть поименованным, непоименованным или смешанным, а также право формулировать договорные условия, особенно если они основаны на диспозитивных нормах гражданского законодательства¹⁵⁰.

При этом действие юридических императивов не абсолютно, поскольку основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей сторон заключаемого гражданско-правового договора служит сам договор, возможность определения содержания, как и, собственно, возможность выбора контрагента, оказывается поставленной в зависимость от согласия другой стороны принять соответствующее условие договора и сам договор – это то, что, по справедливому замечанию О.А. Кузнецовой, составляет вторую группу договорных свобод – «относительные договорные свободы»¹⁵¹.

Однако в реальной жизни далеко не всегда участники гражданского оборота обладают подлинным равенством по отношению друг другу. Переговорные возможности могут отличаться в зависи-

¹⁴⁷ Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 73.

¹⁴⁸ Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 161.

¹⁴⁹ Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1425 с.

¹⁵⁰ Алимгафарова А.Р. Диспозитивные нормы как элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования // Гражданское право. 2020. № 2. С. 12–14.

¹⁵¹ Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 77.

мости от личности субъектов, имущественной обеспеченности, общественного положения, доли соответствующего лица на товарном рынке и по другим причинам. Для устранения дисбаланса в целях реализации другого правового принципа – принципа справедливости – законодателем введен ряд ограничений свободы договора.

Так, п. 1 ст. 421 ГК предусматривает возможность понуждения к заключению договора в тех случаях, когда это предусмотрено (а) самим ГК (например публичный договор), (б) иным законом (например договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию) или (в) добровольно принятым на себя обязательством (например при заключении предварительного договора). Отнесение последнего случая к числу ограничений свободы договора спорно, ведь такое обязательство по обязательному заключению договора принято добровольно, т.е. в рамках реализации первого юридического императива – абсолютной договорной свободы заключать или не заключать предварительный договор. Но, все же, учитывая содержание п. 1 ст. 421 ГК, будем считать, что и это ограничение относится к принципу свободы договора (в позитивистском контексте).

Другим немаловажным ограничением принципа свободы договора служит механизм защиты слабой стороны договора, заключенного по модели договора присоединения (ст. 428 ГК). Согласно п. 2 ст. 428 ГК присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у неё возможности участвовать в определении условий договора.

Процитированное правило применяется и к тем договорам, которые формально не являются договорами присоединения, если

их условия определены одной из сторон, а другая сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей оказалась поставленной в положение, существенно затруднившее согласование иного содержания отдельных условий договора (п. 3 ст. 428 ГК). Данное положение призвано компенсировать неравенство переговорных возможностей для объективно более слабой стороны договора: для потребителя¹⁵² или, например, для более «бедного» или менее профессионального в определенной сфере деятельности предпринимателя¹⁵³, не ограничиваясь закрытым перечнем случаев и фактически допуская в этой части ситуационное регулирование.

Принцип сотрудничества реализуется не только на стадии преддоговорного отношения, но имеет для него конститутивное значение, поскольку регулирование преддоговорного отношения осуществляется непосредственно принципом сотрудничества, который выступает здесь в качестве юридического императива более общего принципа добросовестности.

Сотрудничество раскрывает содержание преддоговорного правоотношения посредством трёх групп обязанностей. Они схожим образом реализуются и в отечественной, и в зарубежных юрисдикциях¹⁵⁴ и включают в себя 1) информационные обязанности, 2) требование честного поведения и 3) требование по сохранению конфиденциальности информации.

Информационные обязанности мы наблюдаем в п. 2 ст. 434.1 ГК. Они включают в себя обязанность предоставлять другой стороне полную и достоверную информацию, не умалчивать об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны.

¹⁵² См. определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2023 г. № 19-КГ23-29-К5 и от 28 ноября 2023 г. № 47-КГ23-10-К6.

¹⁵³ См. постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 ноября 2023 г. № Ф08-10252/2023 по делу № А63-10275/2022, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 февраля 2022 г. № Ф09-2055/20 по делу № А47-3818/2019.

¹⁵⁴ *Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Global Sales and contract law. N.Y. : Oxford University Press Inc., 2012.*

В частности, как указывает Конституционный Суд РФ, «...продавец, действующий добросовестно, т.е. учитывающий интересы покупателя, может предложить тому на основе полной и достоверной информации самостоятельно выбрать вариант определения цены (со скидкой и без неё, альтернативные скидки). Он может позволить покупателю вносить в проект договора исходящие от последнего условия, может разъяснить неясное покупателю содержание договора, *инициативно, независимо от вопросов покупателя, обратить внимание на наиболее значимые условия договора* [курсив мой – А.Ф.], допустить участие в переговорах на стороне покупателя независимых консультантов и т.п.»¹⁵⁵.

Требование честного поведения, предполагающее открытое отношение к контрагенту, означает запрет на вступление в переговоры при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения (п. 2 ст. 434.1 ГК). Оно предписывает прекращать переговоры только при наличии достаточных и обоснованных оснований с совершением при этом всех действий, необходимых для обеспечения сохранения имущественного интереса второй стороны (п. 2 ст. 434.1 ГК).

Обязанность по сохранению конфиденциальной информации закреплена в п. 4 ст. 434.1 ГК и предполагает запрет раскрывать третьим лицам и использовать ненадлежащим образом для своих целей конфиденциальную информацию, которая передана в качестве таковой.

Последствием нарушения императивов сотрудничества является отказ нарушившей стороне в защите права на основании п. 4 ст. 1 и п. 2 ст. 10 ГК, т.е. как при злоупотреблении правом. Соответствующая правовая позиция поддерживается Конституционным Судом РФ¹⁵⁶ и судебной практикой¹⁵⁷.

¹⁵⁵ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 14-П // СЗ РФ. 10.04.2023. № 15, ст. 2748.

¹⁵⁶ Там же.

Целью преддоговорного регулирования, основанного на юридических императивах принципа сотрудничества, является выстраивание справедливого баланса интересов, ликвидация информационной асимметрии участников переговоров, которые впоследствии станут сторонами заключаемого договора. Достигается эта цель, как было обозначено выше, посредством возложения на стороны преддоговорного обязательства обязанностей по оказанию друг другу информационного сотрудничества, даже в том случае, если другая сторона по какой угодно причине не проявляет интерес к изучению тех или иных особенностей, касающихся заключаемой сделки. Под страхом возложения на воспользовавшуюся ситуацией недобросовестную сторону правоотношения рисков несения имущественных потерь.

Итогом реализации сотрудничества становится достаточная информационная обеспеченность сторон преддоговорного правоотношения, которая ложится в основу рационального решения субъекта гражданского права о заключении либо отказе от заключения договора, а также о выборе контрагента, содержания договорных условий и его модели. При нормальной реализации императивов принципа сотрудничества исключается риск оспаривания сделки на основании ст. 178 и 179 ГК как совершённых под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств.

В этом контексте связь принципов сотрудничества и свободы договора прослеживается в их единой направленности: и сотрудничество, и свобода договора направлены на устранение неблагоприятных последствий дисбаланса, асимметрии переговорных возможностей субъектов гражданского права.

¹⁵⁷ См. определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 октября 2023 г. по делу № 88-29135/2023; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 мая 2023 г. № 88-8319/2023; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2023 г. № 88-6969/2023 и др.

При этом содержание и направленность рассмотренных принципов позволяет говорить о наличии как минимум двух видов асимметрии: а) асимметрия информационная, когда одна сторона переговоров имеет заведомо больше информации, чем другая, а значит, может принимать более рациональное решение по существу заключаемого договора, и б) асимметрия переговорных возможностей, когда одна сторона в силу каких-либо жизненных обстоятельств имеет возможность оказывать на другую сторону влияние, определяющее решение другой стороны о заключении или незаключении договора.

Принципы сотрудничества и свободы договора, будучи направленными на создание надлежащего баланса интересов, устраняют каждый свой вид асимметрии – принцип сотрудничества направлен против информационного дисбаланса, а свобода договора – против асимметрии переговорных возможностей.

С учётом этого можно заключить, что принципы свободы договора и сотрудничества, не будучи генетически связанными друг с другом, став актуальными в разное время и развиваясь параллельно, при совместной реализации позволяют достичь, по существу, единую для них глобальную цель – создание состояния справедливого равенства участников гражданского оборота на этапе заключения гражданско-правового договора, и тем самым разрешить проблемы асимметрии переговорных возможностей и неравномерной информационной обеспеченности сторон преддоговорного правоотношения.

Библиографический список

1. Алимгафарова А.Р. Диспозитивные нормы как элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования // Гражданское право. – 2020. – № 2. – С. 12–14.
2. Афлятунова Н.А. Подходы к пониманию сотрудничества в психологической науке // Вестник СИБИТа. – 2013. – № 3 (7). – С. 43–46.
3. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федера-

ции / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1425 с.

4. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 158–166.

5. Кузнецова О.А. Применение судами принципа свободы договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – Вып. 1 (3). – С. 73–83.

6. Панченко П.В. Принцип содействия сторон обязательства в Российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 188 с.

7. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Global Sales and contract law. – N.Y. : Oxford University Press Inc., 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике д.ю.н., профессора Василия Васильевича Овсиенко (11.01.1925–15.12.1997)</i>	3
Афанасьев Р.Е. О необходимости ограничения свободы наследственного договора при наследовании жилых помещений.....	4
Бажайкин А.Л. Экономический механизм регулирования земельных отношений.....	8
Бигуненко А.И. Природа мирового соглашения в рамках примирительных процедур.....	18
Гарден А.В., Черкасская Д.А. Ограничение конкуренции в договорах коммерческой концессии и лицензионных договорах.....	25
Зараев П.А. К вопросу о контрсанкциях и свободе договора.....	31
Кротова Л.А. Уголовно-правовой механизм охраны права интеллектуальной собственности: некоторые вопросы правового регулирования.....	39
Кузнецова Н.В., Маштакова Н.А. Дискреционные полномочия суда в сфере ограничения свободы договора.....	48
Кузнецова Н.В. Виды ограничений свободы договора: проблема выбора критерия.....	52
Лямин Д.В. Эволюция философско-правовой мысли о принципе свободы договора.....	58
Малярчук О.А., Шеленга Н.А. Свобода договора и автономия воли сторон: теоретико-прикладные аспекты.....	68
Мокшина М.А., Барамидзе С.М. Договорное регулирование отношений Российской Федерации и её субъектов: история и современность.....	76
Носенко А.Ю. Ответственность за недобросовестные переговоры как ограничение свободы договора.....	85
Орлова Н.И. Ограничение принципа свободы договора в лицензионных правоотношениях.....	91

Осипова А.Ю. Защита слабой стороны договора от несправедливых условий соглашения	96
Пьянкова А.Ф. Несправедливые условия договора: новейшая практика применения судами постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и её пределах»	103
Русских Т.В. Свобода труда и ограничение свободы договоров о труде: современные проблемы и перспективы правового регулирувания.....	110
Савенко Н.Е. Реализация принципа свободы договора в предпринимательских договорах	117
Сегал О.А., Ходырева Е.А. Брачный договор и его значение в современных условиях	125
Сёмин А.В. Практическое применение положения о свободе договора	132
Федосеев А.А. Взаимодействие принципов свободы договора и сотрудничества в гражданском праве России	140

Научное издание

СВОБОДА ДОГОВОРА И ЕЁ ОГРАНИЧЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвящённой памяти основателя
юридического образования в Удмуртской Республике,
доктора юридических наук, профессора В.В. Овсиенко

Редактор: И.А. Бусоргина

Подписано в печать 28.03.2024. Формат 60x84^{1/16}

Усл. печ. л. 8,75. Уч. изд. л. 6,29.

Тираж 27 экз. Заказ № 588.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра
«Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18